

ЗВЕЗДА
СЕРИАЛА
GIRLS

18+

Лина
Данэм

CoRpus

НЕ
такая

Девчонка
рассказывает,
чему она
"научилась"

Лина Данэм

**Я не такая. Девчонка
рассказывает, чему
она «научилась»**

«Corpus (АСТ)»

2014

УДК 821.111-4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Данэм Л.

Я не такая. Девчонка рассказывает, чему она «научилась» /
Л. Данэм — «Corpus (АСТ)», 2014

Создательница, сценарист и исполнительница главной роли американского сериала «Девочки» Лина Данэм стала голосом нового поколения – тех, кому сейчас чуть больше двадцати пяти. Ее книга «Я не такая» – честный, иногда шокирующий, ироничный и умный рассказ о том, каково это – быть молодой девушкой во втором десятилетии XXI века. По жанру это похоже на дневник, в котором есть и воспоминания о детстве, и рассказ о недавних событиях, о людях рядом и мире вокруг.

УДК 821.111-4(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Данэм Л., 2014
© Corpus (АСТ), 2014

Содержание

Введение	6
Раздел первый	11
Возьмите мою девственность (Серьезно, забирайте)	12
Платонические отношения в постели. Счастливая мысль (для тех, кто себя ненавидит)	17
18 неуместных фраз, произнесенных мной во время флирта	24
Игорь. Мой бойфренд из интернета умер, и твой может умереть	25
Как делиться мыслями. Мой худший e-mail, с примечаниями	31
Девушки и придурки	34
Барри	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лина Данэм

Я не такая. Девчонка рассказывает, чему она «научилась»

This edition published by arrangement with InkWell Management and Synopsis Literary Agency

© Lena Dunham, 2014

© Е. Чебучева, перевод на русский язык, 2016

© З. Ящин, леттеринг, 2016

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Издательство CORPUS ®

* * *

Моей семье, конечно же Норе.

И Джеку, который именно таков, как она говорила.

Однако она все ждала какого-то события.

Подобно морякам, потерпевшим крушение, она полным отчаяния взором окидывала свою одинокую жизнь и все смотрела, не мелькнет ли белый парус на мглистом горизонте.

Она не отдавала себе отчета, какой это будет случай, каким ветром пригонит его к ней, к какому берегу потом ее прибьет, подойдет ли к ней шлюпка или же трехпалубный корабль, и подойдет ли он с горестями или по самые люки будет нагружен утехами.

Но, просытаясь по утрам, она надеялась, что это произойдет именно сегодня...

Гюстав Флобер «Госпожа Бовари»¹

Ты слишком поспешно заплетаешь энергию жизни в косички искусства.

Отец, выговаривая мне

¹ Перевод Н. Любимова. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика).

Введение

Мне двадцать лет, и я себя ненавижу. Ненавижу свои волосы, лицо и выпуклый контур живота в профиль. Дрожь в голосе, из-за которой мои стихи звучат слезливо. Слегка повышенный тон, которым родители разговаривают со мной (с сестрой они общаются иначе), словно я – психанувший клерк и, если давить на меня слишком сильно, могу взорвать полный подвал заложников.

Эту ненависть я прячу под агрессивным довольством собой, скажем так. Я крашу волосы в кричаще-желтый цвет и ношу стрижку маллет, не потому, что так модно, а скорее под влиянием фотографий девочек-мам из 80-х. Я одеваюсь в спандекс неоновых оттенков, обтягивающий все проблемные места. У меня было жестокое сражение с мамой, когда для похода в Ватикан я выбрала короткий топик с принтом из бананов и розовые леггинсы и религиозные туристы шарахались от меня с выпученными глазами.

Я живу в общежитии, которое еще не так давно служило приютом для малообеспеченных стариков, и стараюсь не думать о том, где они сейчас. Моя соседка по комнате уехала в Нью-Йорк изучать кулинарию по принципу «с фермы на стол» и лесбиянство. Целая спальня на первом этаже осталась в моем распоряжении, и я очень этому радовалась, пока однажды ночью некая участница женской команды по регби не вломила в общагу, чтобы накрыть неверную любовницу, по пути сорвав с петель мою дверь с москитной сеткой. Я купила видеомэгафон и спицы для вязания и теперь почти каждый вечер провожу на диване. Связала половину шарфа для парня, который мне нравится, но у него началась маниакальная фаза биполярного расстройства, и он бросил учебу. Я сняла два короткометражных фильма, которые мой отец счел «интересными, но не по существу», а мой писательский дар атрофировался настолько, что я взялась переводить стихи с тех языков, которыми не владею. Цель этого сюрреалистического упражнения – вдохновлять себя, а главное, гнать прочь вредную мысль, то и дело возникающую помимо моей воли: что я урод. К двадцати девяти годам я попаду в приют для душевнобольных. Я никогда ничего не добьюсь.

Вы бы ни за что не заподозрили меня в таких мыслях, встретясь мы на вечеринке. На людях я отчаянно весела, наряды на мне исключительно из секонд-хенда, плюс накладные ногти, и я всю стараюсь победить сонливость от лекарств (350 миллиграммов ежевечерне). Я танцую без удержу, смеюсь без удержу над собственными шутками и запросто

упоминаю в беседе свое влагище, словно это шкаф или машина. В прошлом году я переболела мононуклеозом, и он до сих пор напоминает о себе. Время от времени один из моих лимфоузлов распухает, становится размером с мячик для гольфа и выпирает из шеи, как болт у монстра Франкенштейна.

У меня есть подруги, отличные девчонки, но их увлечения (выпечка, гербарии, защита интересов местных жителей) мне безразличны. Я вижу в этом свою вину: неспособность чувствовать себя свободно в их компании доказывает раз и навсегда, что я ни на что не гожусь. Я смеюсь, поддакиваю и нахожу повод уйти домой пораньше. Меня постоянно гложет чувство, что *настоящая* дружба ждет впереди, за пределами колледжа – необыкновенные женщины, которые стремятся вперед так же бесстрашно, как нарушают нормы. Они носят потрясающие высокие прически, похожие на подстриженные деревья Версаля, и ни при каких условиях не бросят «болтай поменьше», когда ты рассказываешь свой эротический сон про отца.

Но точно то же самое я думала в старших классах школы: *моя* компания живет не здесь и не так и наверняка примет меня, едва наши пути пересекутся. Я получу столько любви, что будет неважно, нравлюсь ли сама себе. Стоит им увидеть во мне хорошее, как его увижу и я.

* * *

По субботам мы с подругами грузимся в чей-нибудь старенький «вольво» и едем в секонд-хенд покупать цацки, пропахшие чужим бытом, и чужую одежду, надеясь, что наша собственная в сочетании с ней будет смотреться лучше. Мы все хотим быть похожими на героинь ситкомов нашего детства, когда мы были маленькие и восхищались тинейджерами. На меня не налезает ни одни штаны, пока я не перехожу в отдел для беременных, поэтому обычные мои покупки – мешковатое платье и свитер «косби»².

У меня бывает большой улов: персиковый деловой костюм из 80-х со слабыми пятнами от кофе, леггинсы с узором из переливающихся цепочек по бокам и пара сапог специально для тех, у кого ноги разной длины. А иногда набор скуден, если очередную партию пестрых кедров, якобы фирменных, и рваных неглиже успели расхватать. В один из таких дней я забрела в книжный отдел, куда люди сносят пособия по разводу или рукоделию, а то и альбомы с вырезками и семейными фотографиями.

Я оглядела пыльную полку: похоже на домашнюю библиотеку несчастливой и, вполне вероятно, малограмотной семьи. Проигнорировала советы «как стать богатым», быстро отметила автобиографию Мисс Пигги, задержала взгляд на книжке «Сестры. Дар любить». Но остановило меня потрепанное издание в мягкой обложке с пожелтевшими, едва ли не позеленевшими, уголками: «Получи все сразу» Хелен Гёрли Браун. На обложке красовалось фото автора – сплошные жемчуга и понимающая улыбка. Хелен опирается на краешек аккуратно прибранного рабочего стола, и по странному совпадению на ней платье, очень похожее на мое любимое, сливовое с плечиками.

² Свободный свитер с аляповатым рисунком. В 1980-х гг. в таких свитерах появлялся перед зрителями американский комик и шоумен Билл Косби.

Я заплатила положенные 65 центов и унесла книгу с собой. В машине я показала ее подругам как декоративную безделку, которая будет стоять на полке вместе со снимками чужих детишек из фотостудии универмага «Сирз» и прочей китчевой ерундой. Это наше хобби – собирать вещи с определенным смыслом и выставлять на всеобщее обозрение как пример того, чем мы не станем никогда. Но я-то знала, что проглочу эту книгу от корки до корки. Дома я, дрожа, нырнула в кровать, под лоскутное одеяло. В Огайо шел снег, и за окном, на парковке, вилась метель.

Книга была издана в 1982 году. На внутренней стороне обложки стояла надпись шариковой ручкой: «Бетти от Маргарет. С любовью, твоя подруга по Оптифасту». Как трогательно: много лет назад какая-то женщина пыталась похудеть и подарила книгу подруге, с которой проходила программу по снижению веса. Мысленно я продолжила ее послание: «Бетти, мы добьемся цели. Мы *уже* идем к ней. Пусть эта книга унесет тебя к звездам и еще выше».

Целую неделю после занятий я бегом бежала домой, чтобы впитать наставления Хелен. Книга захватила меня целиком. Гёрли Браун выкладывает богатый набор ситуаций, когда ей приходилось терпеть унижение, и немногие примеры своего триумфа, объясняет «для чайников», как вкусить благодать в виде «любви, успеха, секса, денег, даже если вы начинаете с нуля».

Надо признать, советы ее по большей части бредовые. Она убеждает читательниц съесть меньше тысячи калорий в день («строгая диета или голодание... О сытости и речи быть не может. Вы должны быть постоянно голодны и чувствовать дискомфорт, иначе вряд ли похудеете»), по возможности не заводить детей и всегда быть готовыми к минуте

(«чем больше секса, тем выносливее вы станете»). В этом отношении Хелен безжалостна: «Ни переутомление, ни заботы, ни менструальные боли, ничто не оправдывает отказа в сексе, если только мужчина, лежащий в вашей кровати, не разозлил вас до зубовного скрежета».

Есть и чуть более разумные рекомендации: «Всегда выезжайте в аэропорт на пятнадцать минут раньше, чем *могли бы*. Таким образом вы предохраните сердечные клапаны от износа»; «Если у вас серьезные личные проблемы, идите за советом и поддержкой к психоаналитику. Я не представляю, почему не передать свою больную голову и *сердце* специалисту, вместо того чтобы ходить по улицам и харкать кровью...» Но это прямолинейное здравомыслие меркнет в соседстве с такими перлами: «По мне, для одинокой женщины избегать женатых мужчин – все равно что истекать кровью и отвергнуть первую помощь в мексиканской больнице, потому что вы предпочитаете чистенькую, но недоступную американскую по ту сторону границы».

Книга «Получи все сразу» делится на части, каждая из них – экскурсия по одной из областей жизни женщины, считавшихся неприкосновенными: диета, секс, тонкости брака. И хотя шизоидные теории Хелен абсолютно противны моему четко феминистскому воспитанию, мне понравилось, что она без стеснения делится собственным опытом, начиная с выведения прыщей, и как бы говорит нам: «Смотрите, счастье и довольство жизнью доступны всем». В процессе она открывает свою личную слабость (я не забуду пассаж про объедание пахлавой), но, возможно, я ее недооцениваю, и на самом деле это не беда, а дарование.

* * *

Когда книга «Получи все сразу» попала мне в руки, я еще не понимала, какое место она занимает в каноне жанра. Я не знала, что о Хелен Гёрли Браун писали и спорили женщины, на которых я буду ориентироваться в жизни, например Глория Стайнем и Нора Эфрон. Или что она была бельмом на глазу и для феминисток, и для полиции нравов. Что она до сих пор жива и ей под девяносто³, что она до сих пор втюхивает убогим свой фирменный рецепт неомрачимой жизнерадостности. Я знала только одно: она нарисовала яркую картину жизни женщины, которая когда-то была серой мышкой – некрасивой, невыразительной, неразвитой. Она верила, что в конце концов серые мышки, никем не замечаемые и нелюбимые, преодолеют себя и восторжествуют. Позиция Хелен, абсолютно эгоистическая, подходила мне как нельзя более. И может быть, благодаря поучениям Хелен сложится сильная, уверенная и даже сексуальная женщина, да-да. Сложится, а не родится. Может быть.

По мне, никого нет бесстрашнее человека, который заявляет, что его историю должны услышать все. Особенно если это женщина. Мы много работали над этим и многого добились, но по-прежнему со всех сторон нас убеждают, что наши переживания не стоят и гроша, мнения никого не интересуют, а истории недостаточно серьезны и оттого малозначимы. И вообще, женские автобиографии – всего лишь упражнение в тщеславии, и мы должны понимать, что это новый для нас мир, то есть сидеть и помалкивать.

³ Хелен Гёрли Браун ушла из жизни в 2012 г.

Но я хочу и, более того, должна рассказать о себе, иначе я сойду с ума. Рассказать о том, как через «боюсь» и «противно» я привыкала к своему повзрослевшему телу. Как позволяла тискать свой зад на стажировке, чтобы увереннее чувствовать себя в толпе пятидесятилетних дядек. Как явилась на званный вечер с красным и распухшим от насморка носом. Сознательно терпела от мужчин то, чего терпеть не стоило. Хочу рассказать о маме, бабушке, о первом парне, которого полюбила (он оказался наполовину геем), и о первой девушке (потом она стала мне врагом). И если мой опыт хоть как-то облегчит вам черную работу или убережет от таких сексуальных отношений, когда вы предпочитаете не снимать кроссовок в процессе – вдруг захочется сбежать, – значит, все мои ошибки были не зря. Предвижу, мне станет стыдно, что я вознамерилась давать вам советы, но зато и радостно, если благодаря мне вы не купитесь на дорогую соковую диету или не возьмете на себя вину за то, что ваш партнер идет на попятный, робея перед ясностью вашей миссии на земле. Нет, я не сексолог, не психолог и не диетолог. Я не многодетная мать и не успешная владелица магазина нижнего белья. Но я страстно хочу получить все сразу, и то, что вы прочтете дальше, – обнадеживающие вести с линии фронта.

Раздел первый Любовь и секс

Возьмите мою девственность (Серьезно, забирайте)

Когда мне было девять, я написала обет целомудрия на клочке бумаги и съела его. Оранжевый фломастер от моего лица обещал, что я останусь девственницей, пока не окончу школу. Мне это казалось важным: во-первых, я знала, что маминым сроком было лето перед поступлением в колледж; во-вторых, Энджеле Чейз⁴ пришлось туго в той ночлежке, куда старшеклассники бегали совокупляться. И если взять критерием отношение к печеночному паштету – а недавно я объелась им до рвоты, – то моя сила воли оставляет желать лучшего. Простой решимости могло не хватить, чтобы удержать меня от раннего вступления во взрослую жизнь, поэтому я задокументировала свою клятву на бумаге и попросила маму подписать. Она отказалась: «Ты не знаешь, с чем столкнешься в жизни, а я не хочу, чтобы ты чувствовала себя виноватой».

В итоге обет оказался излишней предосторожностью. Возможность нарушить его не представилась ни до окончания школы, ни даже на первом курсе колледжа Нью-Скул, если не считать почти удавшуюся попытку с коренастым и стремительным летчиком по имени Джеймс. Наша неудачная встреча зашла тем не менее так далеко, что на следующий день мне пришлось выуживать из-под общажной двухъярусной кровати неиспользо-

⁴ Героиня американского молодежного сериала «Моя так называемая жизнь» (1994–1995).

ванный презерватив салатного цвета. Все шло как положено, на мне уже не было трусов и футболки, и тут я призналась, что я девственница. Джеймс испугался (может, и не без оснований), что у меня возникнет слишком сильная привязанность к нему, причем безответная, и сбежал. На второй год я перешла в небольшой колледж в Огайо, известный тем, что первым допустил к обучению женщин и афроамериканцев, а его студенчество славилось разнородной любовью. Я этим не отличалась, но сама по себе атмосфера благоприятствовала тому, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки.

Любовным фантазиям в Оберлине было раздолье. Когда хлынул первый ливень в году, студенты выбежали во двор нагишом (я надела танкини) и кинулись обмазывать друг друга грязью. Люди общались в стиле «бывшие любовники, уже друзья». На студенческом семинаре, посвященном сексу, ежегодно выбирали юношу и девушку, которые должны были показать взволнованной толпе ревностных вестхаймерианцев⁵ пенис и вагину соответственно.

Я чувствовала себя старейшей девой городка. Не исключено, что так оно и было. Правда, мне составляла компанию грудастая панкушка из Олимпии, штат Вашингтон: ее удручали те же мысли. Мы с ней частенько устраивали посиделки в пижамах и обсуждали отсутствие перспектив. Ни дать ни взять две Эмили Дикинсон с пирсингом на физиономиях, пытающиеся угадать, что готовит нам жизнь и не перешли ли мы случайно границу, отделяющую целомудрие от убожества.

– Джош Кролник просунул мне пальцы под резинку, вот тут! Как думаешь, что это значит?

– Он и мне просовывал...

Мы даже заметили к немалому своему ужасу, что парень, на каждое занятие являвшийся в багровом банном халате, имел связь с девушкой в пижаме с Суперменом, и она, похоже, его любила. Они прилипали друг к другу сладкими взглядами, погруженные в свой (несомненно, сексуальный) пижамно-халатный мир.

Выбор был невелик, особенно для таких, как я – не бисексуалов. Не меньше половины традиционно ориентированных мужчин в кампусе играли в «Подземелья и Драконы», еще четверть полностью отказалась от обуви. Больше всех мне понравился длинноволосый скалолаз Прайван, но однажды в конце занятия он встал из-за парты, и оказалось, что на нем длинная белая юбка. Стало ясно: прежде чем я отведаю плотской любви, мне придется пойти на некоторые уступки.

* * *

Джона⁶ мне встретился в закусочной. Он не придерживался никакого особого стиля, разве что одевался немного в духе стареющих лесбиянок. Невысокого роста, но сильный (похоже, мужчины ниже метра шестидесяти – моя судьба), он носил футболку с символикой своей школы (как оригинально – символика школы!), очень воспитанно вкушал земную пищу – мне это нравилось, потому что было нетипично для закусочной, где даже веганы постоянно так нагружали свои тарелки, будто завтра конец света, а потом ковыляли в общагу, заторможенные, силясь переварить съеденное. Мимоходом я пожаловалась на то, что не могу съездить в Кентукки для журналистского проекта, и Джона сразу же предложил мне свои услуги. Впечатленная его щедростью, я все же не решалась на пятичасовую поездку с незнакомцем. А вот пять или сорок пять минут секса пришлось бы кстати.

⁵ Рут Вестхаймер – американский сексопатолог и ведущая популярной телепередачи о сексе в 1980-е годы.

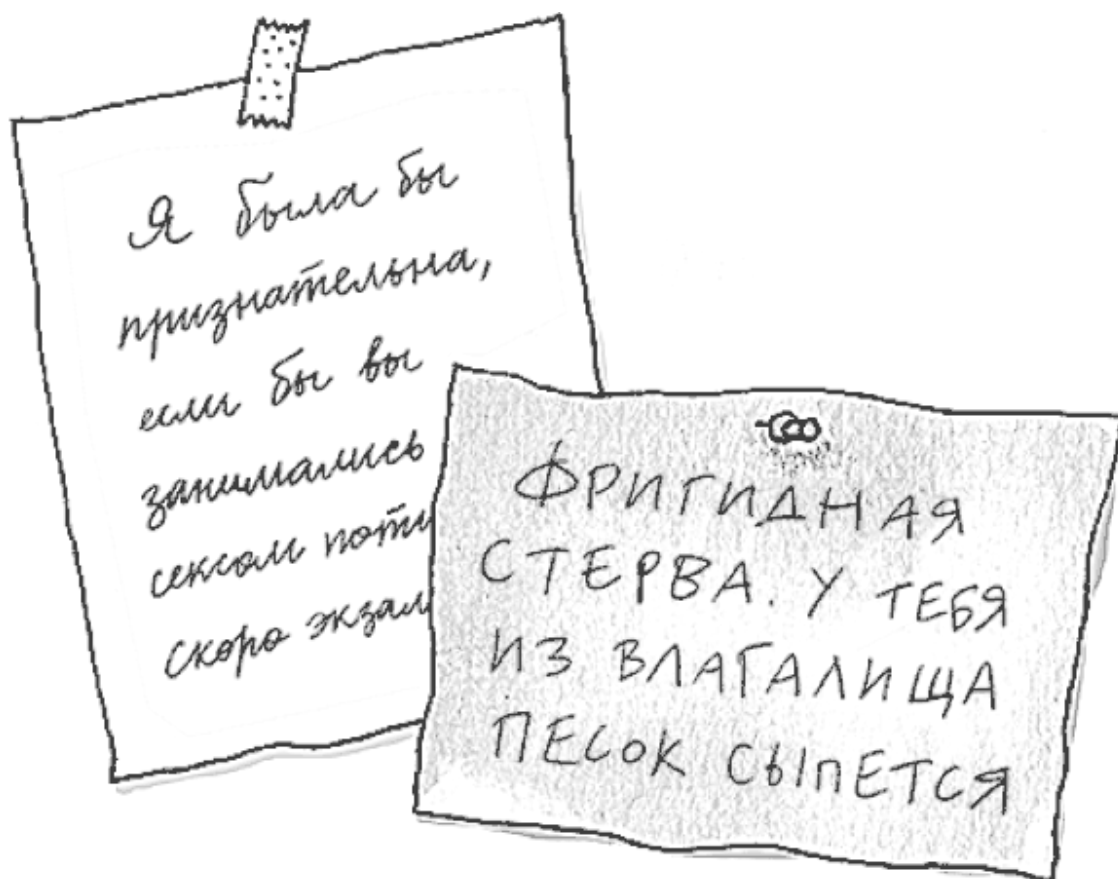
⁶ Имя изменено в интересах невиновного. Л. Д.

Разумеется, лучший способ этого добиться – устроить вечеринку с вином и сыром. И я ее устроила – в своей комнатке площадью два с половиной на три метра на «тихом этаже»⁷ корпуса Ист-Холл. Чтобы добыть вино, мне пришлось сесть на велосипед и одиннадцать миль крутить педали по морозу до винного магазина под Лорейном, в котором не требовали удостоверения личности. В итоге я купила пиво и сыр, а также большую коробку крекеров с разными вкусами. Джона получил приглашение в общем письме, как бы заодно с прочими гостями, благодаря чему мне удалось выдержать непринужденный стиль: «Всем привет. По четвергам мне иногда ужасно хочется вечером расслабиться. А ВАМ?» И он пришел, и остался даже после того, как все собрали вещи и ушли. Я поняла, что мы как минимум должны продвинуться дальше поцелуев. Сначала мы весело болтали, потом начали обмениваться нервными восклицаниями, как бывает от робости, когда люди не решаются поцеловаться. В конце концов я сказала, что мой отец рисует огромные изображения пенисов на заказ. Джона спросил, нельзя ли найти их в интернете. Тогда я схватила его за шиворот и приступила к делу. Футболку я стянула почти мгновенно, как в тот раз перед летчиком. Джона был впечатлен. Продолжая в том же темпе, я рванулась к «аварийному комплекту первокурсника» за презервативом (хотя я училась уже второй год и вообще была уверена, что в случае катастрофы нам понадобится существенно больше, чем солнечные очки *Ray Ban*, причем поддельные, батончик мюсли и несколько пластырей).

А в это время на другом конце кампуса моя подруга Одри маялась в своем личном аду. Целый семестр она воевала с соседкой по комнате, поклонницей ролевых игр по эпохе Возрождения. Пылкую филадельфийку вождедел каждый ролевик и каждый фанат блэк-метала в кампусе. Одри всего лишь хотела спокойно читать «Нью Рипаблик» и чатиться с бойфрендом из Виргинии. Соседка же подцепила мальчика, который однажды попытался приготовить метамфетамин на общей кухне, результатом чего стал визит людей в защитных костюмах. Одри попросила соседку не держать в холодильнике контрацептивное кольцо, и девица восприняла это как тяжкое оскорбление своей чести.

Перед тем как отправиться на мою сырно-пивную вечеринку, Одри оставила соседке записку: «Я была бы признательна, если бы вы занимались сексом потише. Скоро экзамены». В ответ соседка сожгла записку, растерла пепел по полу и оставила собственную: «Фригидная стерва. У тебя из влагалища песок сыпется».

⁷ Этаж, обитатели которого стараются не производить лишнего шума. Требования к уровню шума и «тихие часы» варьируются в зависимости от учебного заведения.

Рыдая, Одри побежала ко мне в надежде остаться на ночь. Акт сожжения записки напугал ее как предвестник более серьезных, телесных повреждений. К тому же Одри была абсолютно уверена, что я доедаю сыр в одиночестве, поэтому она распахнула дверь не постучавшись – и обнаружила лежавшего на мне Джону. Моментально поняв всю торжественность ситуации, она прокричала сквозь слезы: «Мазлтов!»

Я не говорила Джоне, что я девственница. Сказала только, что занималась этим «не так часто». И я была уверена, что порвала девственную плеву еще в школе, в Бруклине, когда перелезала через забор в погоне за котом, который не желал, чтобы его спасали. И все же боль оказалась сильнее, чем я ожидала, и другого рода, тупая – больше похожая на головную, чем от пореза. Мы нервничали, и, привет равенству полов – ни один из нас не кончил. Потом мы лежали и разговаривали, и мне показалось, что он хороший человек, что бы это ни значило.

* * *

На следующее утро я проснулась как ни в чем не бывало и занялась обычными делами: позвонила маме, выпила три чашки апельсинового сока, съела пол-упаковки острого чеддера, оставшегося с прошлого вечера, послушала песенки под гитару. Посмотрела красивые картинки в интернете и проверила, нет ли пикантных вросших волосков на линии бикини. Почитала почту, сложила свитера и снова разложила, чтобы решить, какой надеть. Укладываясь спать, чувствовала себя как обычно и легко заснула. Никаких открытых шлюзов, ни кладзей освобожденной женственности. Она осталась такой, какой была, – осталась собой.

Мы с Джоной занимались сексом только один раз. На следующий день он остановил меня и сказал, что мы слишком рано это сделали, надо было подождать несколько недель

и познакомиться поближе. Потом он попросил меня быть его девушкой, надел мой ярко-розовый велосипедный шлем, заявил, что это «шлем верности», и с улыбкой маньяка поднял вверх большой палец. Я «встречалась» с ним полдня и положила этому конец в стиральной комнате его общежития. В рождественские каникулы он отправил мне сообщение в Facebook, очень краткое: «Ты супер».

Заниматься сексом оказалось явно проще, чем я воображала. Мне пришло в голову, что последние пару лет я обращала внимание на мальчиков, которых не интересовала, и все оттого, что сама не была готова. Мне, конечно, нравились фильмы про бедовых подростков, но в школьные годы я увлекалась домашними животными, сочинением стихов о тайной любви и отдавала свое тело во власть только собственным фантазиям. И я все еще не была готова расстаться с этим. Мне казалось, как только я позволю кому-нибудь в меня проникнуть, в моем мире произойдут трудноопределимые, но радикальные перемены. Я никогда больше не смогу так же невинно обнимать родителей и наедине с собой буду чувствовать себя совсем иначе. Как можно быть по-настоящему одинокой, если кто-то копался у тебя внутри?

Какой вечной кажется девственность, а потом – какой незначительной. Я с трудом вспоминала чувство утраты, неловкость и позыв в туалет после секса с Джоной. Я помню, как девушка-панк проплыла мимо, держа за руку своего бойфренда-старшекурсника, и мы с ней даже не кивнули друг другу в знак того, что прошли испытание. Наверное, секс у нее был каждую ночь, и ее пышная грудь вздымалась и опускалась в такт какому-нибудь хард-кору. Опыт разорвал наши узы. Мы больше не были членами одного клуба, только частью большого мира. И слава богу.

Только позднее секс и личность стали одним целым. Я со всей точностью описала ту сцену дефлорации в сценарии к своему первому фильму «Художественный документализм», за исключением момента, когда Одри вышибла дверь в страхе за свою жизнь. Играя в этой сцене, я чувствовала себя изменившейся гораздо больше, чем во время первого сексуального опыта. Словно тогда был просто секс, а теперь – работа.

Платонические отношения в постели. Счастливая мысль (для тех, кто себя ненавидит)

Довольно долго я не могла понять, нравится ли мне секс. Я получала удовольствие от всего, что ему предшествовало, от того, как люди приглядываются друг к другу, прощупывают почву, а их действия приобретают особый смысл. Мне нравилась неловкость разговора по дороге домой холодным вечером, нравилось смотреться в зеркало в тесном пространстве чужой ванной комнаты. Казалось, я могу заглянуть мимоходом в подсознание своего партнера, и может быть, это был единственный момент, когда я понимала, что существую не одна. И еще радостное чувство, что я могу вызывать и вызываю желание. Но вот секс оставался

загадкой. Ничего сногсшибательного. Сам половой акт – все равно что запихивать мочалку в банку. А после наступала бессонница. Если мы расходились по домам, в голове у меня шумело, и не удавалось привести мысли в порядок. Если мы ночевали в одной постели, я поджимала ноги и лежала, уставившись в стенку. Как я могла уснуть, когда рядом человек, которому досконально известны мои слизистые?

На третьем курсе колледжа я нашла решение проблемы: надо спать друг с другом платонически. Ты приглашаешь понравившегося человека на ночь, и между вами происходит все, кроме секса. Вы смеетесь, обнимаетесь. И избегаете лишнего шума и всех унижительных вещей, сопровождающих любительский секс.

Я получила возможность красоваться в ночном белье, как домохозяйка пятидесятих, и испытывать дрожь возбуждения, не жертвуя своими внутренностями. Это помогало: я сравнивала себя с первопроходцами, которым надо согреться в ледяном ущелье. Вопрос был только в том, обниматься или нет. На следующий день меня грело воспоминание о том, что я была желанной, и перед глазами не вертелись картинки с участием члена, мошонки и плевка, как после настоящего секса.

Естественно, в то время я не отдавала себе отчет о своих мотивах и считала, что такова моя участь – платонические отношения в постели: я не настолько безобразна, чтобы от меня отшатывались, но и недостаточно красива для секса. Моя кровать служила приютом для одиноких, а я играла роль гостеприимной старой девы.

* * *

До семнадцати лет я спала в одной кровати со своей сестрой Грейс. Она боялась спать одна и каждый вечер часов с пяти спрашивала, можно ли ей лечь со мной. Я устраивала целый спектакль: нарочно отказывала, удовлетворенно слушала ее мольбы и наблюдала, как у нее портится настроение, но в конце концов всегда уступала. Влажное и теплое мускулистое тельце Грейс елозило рядом со мной каждую ночь, пока я читала Энн Секстон, смотрела повторы «Субботним вечером в прямом эфире», а иногда в задумчивости просовывала руку под ночную рубашку. Грейс оказывала такое же умиротворяющее, снотворное воздействие, как кошка или грелка.

Я всегда делала вид, что ее ненавижу. Я жаловалась родителям: «Только в САМЫХ БЕДНЫХ семьях тинейджеры спят вместе! Пожалуйста, заставьте ее спать одну! Она ломает мне жизнь!» Наконец у сестры появилась личная кровать, но спать в ней Грейс не желала. «Сама разбирайся», – сказали родители, прекрасно понимая, что я тоже извлекаю выгоду из сделки.

По правде говоря, я не имела права жаловаться. У меня с детства были серьезные проблемы со сном: отец говорит, что с 1986 по 1998 год ни одной ночи не проспал спокойно. Я приравнивала сон к смерти. Ты закрываешь глаза и теряешь сознание – что это, как не смерть? Что отделяет временное забытие от полного ухода в небытие? Я не могла примириться с этой мыслью и каждый вечер брыкалась и вопила, когда меня тащили в мою комнату, где я требовала исполнения целой серии причудливых увеселительных ритуалов. Удивляюсь, почему родители ни разу меня не побили (по крайней мере, больно).

А около часу ночи, дождавшись, когда они заснут, я пробиралась в их спальню, спихивала папу с кровати, устраивалась в тепле належанного им места и прижималась к маме. Радость от того, что я уже не одна, намного перевешивала мимолетное чувство вины за нарушенный папин сон. И только недавно я спросила себя: а не был ли это способ убедиться в том, что родители больше не занимаются сексом.

Бедный папа потерял надежду остановить холодную войну со сном в нашем доме и сказал, что если я буду уходить в свою комнату в девять часов вечера и лежать спокойно, то он

будет просыпаться в три и переносить меня к себе. Это звучало разумно: мне не придется умирать в одиночку на всю ночь, а ему – столько кричать на меня. Он сдержал слово: честно вставал в три часа ночи и забирал меня.

Но однажды (мне уже было одиннадцать) он не пришел. Я этого не заметила и проснулась в семь утра от обычных утренних звуков. Внизу Грейс уже поглощала разогретые вафли и смотрела мультфильмы. Я ошеломленно огляделась. Из окна в комнату лился слепящий свет.

– Ты нарушил обещание! – сказала я папе.

– Да, и с тобой ничего не случилось, – ответил он.

Я не спорила. Он был прав. Какое облегчение – не видеть этого мира в три часа ночи!

Как только я избавилась от проблемы со сном, ее переняла Грейс, как будто продолжая семейное дело, переходящее от старшего к младшему. Я упрямо жаловалась на совместное спанье, но втайне дорожила им. Легкое сопение, привычка считать трещины на потолке, чтобы скорее заснуть, и издаваемое при этом попискивание (вот такое: «мип-мип-мип»), голый животик под задравшейся пижамкой... Моя малышка. Я охраняла ее до утра.

* * *

Все началось с Джареда Краутера. Он был первым, кого я заметила, когда поступила в колледж Нью-Скул. Он стоял, прислонившись к стене, и болтал с девчонкой, бритой под ежика. Глаза героя аниме, женские джинсы-клеш и густая шлемоподобная шевелюра принца Вэлианта. Первый мальчик, которого я увидела в кедах *Keds*, и это меня тронуло: какой нужно обладать уверенностью, чтобы носить изящную женскую обувь. Меня взволновал весь его облик. Будь я одна, я сползла бы вдоль двери и вздохнула, как Натали Вуд в «Великолепии в траве».

Фактически я видела Джареда не впервые. Типичный городской ребенок, он часто слонялся возле моей школы, поджидая приятеля по лагерю. Глядя на него, я каждый раз думала: «До чего классная задница».

– Привет, – сказала я, подойдя к нему бочком в своем коротком топике телесного цвета. – Кажется, я видела тебя около школы Сент-Эннз. Ты приятель Стефа, да?

Джаред оказался необычайно приветлив для такого смазливового парня. Он пригласил меня на вечер, послушать, как будет играть его группа. Это был первый из многих посещенных мною концертов – и первая из многих ночей, которые мы провели у меня в общежитии на верхней койке, прижавшись друг к другу, как сардины в банке, но даже не целуясь. Сначала причиной казалась робость. Ну как бы он джентльмен и дает нам привыкнуть друг к другу. Рано или поздно все произойдет, и мы будем со смехом вспоминать о своей стеснительности и неистово трахаться. Но дни перетекли в недели, недели в месяцы, а его расположение ко мне так и не приобрело сексуального характера. Я лежала, прильнув к его телу, и все равно томилась. Его кожа пахла мылом и метро, и когда он спал, у него подрагивали веки.

Несмотря на развязность инди-рокера и доступ к даровому алкоголю (благодаря работе вышибалой), Джаред тоже был девственником. Мы смеялись над одним и тем же (мексиканка из общаги как-то выдала: «Мои родители живут в кондоме во Флориде»), любили одну и ту же еду (луковые кольца – может, потому и не целовались), фанатели от одной и той же музыки (той, что он велел мне слушать). Он был моим щитом против одиночества, сражений с мамой, плохих оценок и вредных барменов, которые не верили моему липовому удостоверению. Когда я сказала Джареду, что перехожу в другой колледж, он расплакался, а через неделю бросил учебу.

В Оберлине я скучала по Джареду. По его животу, прижатому к моей спине. По кислотоватому дыханию на своей щеке. Вспоминала, как мы согласно остались спать во время сигнала тревоги. Но прошло немного времени, и я нашла ему заместителей.

Первым был Дэв Коклин, учившийся по классу фортепиано. Я увидела его, когда он возвращался из душа, и дала себе клятву поцеловаться с ним. У Дэва было строгое лицо и немыслимо прекрасные волосы, как у Алена Делона, только слово «офигеть» он произносил несколько чаще, чем большинство французских актеров новой волны. Однажды вечером мы вышли погулять на поле для софтбола, и я призналась, что еще девственница, а Дэв сказал, что у него в комнате плесень и ему надо где-то переночевать. За этим последовали две недели совместного спанья, не совсем платонического, потому что мы два раза целовались. Все остальное время я извивалась, как течная кошка, в надежде на прикосновение, которое можно было бы наделить сексуальным смыслом. То ли мое безрассудство отпугнуло Дэва, то ли плесень вывели, но в середине октября он снова перебрался к себе. Несколько недель я оплакивала утрату, а потом переключилась на Джерри Бэрроу, студента-физика из Балтимора.

Джерри носил очки и сильно укороченные брюки и чередовал два виртуальных имени: *Sherylcrowsingsmystory* и *Boobynation*. Если Джаредом и Дэвом я любовалась, то роль Джерри была сугубо утилитарной: я знала, что мы никогда не влюбимся друг в друга, но его надежное физическое присутствие меня успокаивало, и неделю мы проспали с ним вместе. Чувство собственного достоинства заставило Джерри самоустраниться, когда я предложила его лучшему другу Джошу Беренсону спать с другой стороны от меня.

Валяй, брат.

Таких, как Джош, я называю «идеальный спутник в походе», и мне нравился его яркий и едкий юмор. Хотя я неоднократно пускала в ход прием «непрощенный гость», который состоит в том, что ты медленно, но верно вписываешь зад в промежность ничего не подозревающего мужчины, Джош не проявил ни малейшего интереса к физической близости. Однажды он свесил мне руку на левую грудь – самый интимный жест за все время, как будто инопланетянин брал уроки человеческой любви у робота.

И вот поползли слухи: Лина любит спать в компании.

Друзья мужского пола заходили ко мне позаниматься, подразумевая, что останутся ночевать. Ребята с другого конца кампуса просились на ночь, чтобы успеть на утреннюю лекцию. Люди знакомились с моей репутацией раньше, чем со мной, и не о такой известности я мечтала. (Пример: «Вы знаете Лину? Я никогда не встречал более непосредственной, оригинальной и сексуальной женщины. У нее такая гибкость в бедрах, что хоть в цирк отдавай, но она слишком умная».) Однако я не делила постель с кем попало: у меня были свои стандарты. Вот лишь несколько случаев, когда я отказала.

Николай, русский, носил черные остроносые туфли и читал отрывки из книги Уильяма Берроуза о кошках, почти вплотную приблизив свое лицо к моему. Двадцатилетний второкурсник говорил о лесбиянках «розовые», как будто на дворе стоял 1973 год.

Джейсон, будущий психолог, мечтал завести пятерых детей и брать их с собой на игры «Янкиз», а на их куртках написать буквы, из которых складывается название команды.

Патрик, такой маленький и милый, что один раз я все-таки пустила его к себе в постель, а на рассвете обнаружила, что он держит руку на весу, словно боится опустить ее на меня. С тех пор мы называли его Вислоруки, даже после того как он прославился на весь кампус тем, что через воронку налил себе водку в задницу.

* * *

Мастурбации я научилась летом после третьего курса, прочитав о ней в книге для подростков, где давалось следующее описание: «Ты трогаешь интимные места, пока тебе не станет очень приятно, так, будто ты всласть чихнула». Идея вагинального чиха вызывала в лучшем случае замешательство, в худшем – отвращение, но лето было таким скучным, что я решила проверить свои возможности.

Через несколько дней я провела клинические испытания в единственной ванной нашего летнего дома, которая запиралась на ключ. Лежа на банном коврикe, я работала руками, меняя ритм и силу нажатия. Ощущение было приятное, когда трешь ступни, бывает похожее. Однажды, лежа на коврикe, я подняла глаза и обнаружила визави: детеныша лютучей мыши, повисшего вниз головой на карнизе для занавески. В полной тишине мы одинаково ошеломленно таращились друг на друга.

И вот на исходе лета я дождалась награды за тяжелый труд – пережила тот самый «чих», правда, он больше напоминал припадок. Полежав немного, чтобы прийти в себя, я встала и вымыла руки. Перед тем как спуститься вниз, изучила свое лицо – не застыла ли на нем какая-нибудь странная гримаса, но нет: я по-прежнему выглядела как дитя своих родителей.

Теперь я повзрослела, но иногда во время секса невольно припоминаю обстановку ванной. Сосновая обшивка потолка, сучковатая, изъеденная, как швейцарский сыр. Мамино фигурное мыло в ящичке над ванной, стоящей на изогнутых ножках. Ржавое ведро для туалетной бумаги. Чувствую запах дерева. Слышу, как плещут весла на озере и как моя сестра возит взад-вперед по веранде трехколесный велосипед. Мне жарко. Хочется что-нибудь съесть. А главное, я одна.

* * *

Окончив колледж и водворившись в родительском доме, я не перестала практиковать совместное спанье – Бо, Кевин, Норрис, – и оно сделалось предметом жарких споров. Мама страдала не только от того, что в дом зачастили незнакомцы, ее возмущало мое пристрастие к такой неблагодарной деятельности.

– Лучше бы ты с ними трахалась! – говорила она.

– Ты не обязана давать всем ночлег, – говорил отец.

Они оба не понимали сути. Совсем не понимали. Неужели им не бывало одиноко?

Помнится, в седьмом классе мы с моей подружкой Натали каждую пятницу и субботу ложились спать у нее в гостиной. До часу или двух ночи мы смотрели «Субботним вечером в прямом эфире» или юмористический канал, ели холодную пиццу и наконец вырубались на раскладном диване, а проснувшись на рассвете, наблюдали, как Холли, старшая сестра Натали, со своим парнем-альбиносом крадутся в спальню. Наше почти семейное блаженство продолжалось несколько месяцев и казалось незыблемым, но однажды в пятницу, после школы, Натали хладнокровно сообщила, что «нуждается в личном пространстве» (ума не приложу, где двенадцатилетняя девочка подцепила эту фразу). Опустошенная, я вернулась восвояси, и моя комната показалась мне тюрьмой. У меня было идеальное товарищество, и не осталось ровным счетом ничего.

Под влиянием момента я написала трагический рассказ в духе Карвера о девушке, которая приехала в город, чтобы стать актрисой на Бродвее, но дала соблазнить себя прорабу и попала в домашнее рабство. Целыми днями она мыла посуду, жарила яичницу и воевала с квартирным хозяином. В финале она тайком звонит из телефонной будки матери в Канзас-Сити (где я ни разу не была). Мать объявляет, что отреклась от нее, и героиня уходит куда

глаза глядят. Я не запомнила ни одного предложения, кроме концовки: «Она хотела спать, не чувствуя тяжести его рук».

* * *

Очень недолго я состояла в отношениях с бывшим телеведущим. Пережив трагический провал на заре своей карьеры, он переехал в Лос-Анджелес, чтобы начать новую жизнь. Я снимала тогда номер в пансионе, в комнате с бежевыми стенами и окном в садик, принадлежавший двум пожилым нудистам, отчаянно скучала и была не прочь целоваться. Тот человек еще смутно напоминал телеведущего из моего детства, и когда мы куда-нибудь отправлялись вместе, я часто следила за официантками и таксистами, ловя проблеск узнавания на их лицах. Но дальше поцелуев мы не зашли. На его душе, как он мне признался, оставили шрамы прежняя любовь, смерть собаки и какое-то событие, связанное с войной в Ираке (в которой, насколько я знаю, он не воевал). Мне нравилась его квартира. У него были лампы со стеклянными колпаками, сидящий черный лабрадор и холодильник, забитый бутылками «перье». В рабочем кабинете царил порядок, единственным украшением его служила грифельная доска, чтобы набрасывать мысли. Однажды вечером мы неслись на глассере сквозь ливень, и он крепко держал меня за ногу, как мог бы держать отец. Мы совершили вылазку в Малибу и делились друг с другом мороженым. Когда он заболел атипичной пневмонией, я ухаживала за ним, кормила горячим супом, методично поила имбирным элем и ладонью пробовала температуру, пока он спал. Он предостерегал меня от необдуманных поступков. Ранний успех – страшная вещь, говорил он. Мне было двадцать четыре, а ему тридцать три (возраст Иисуса, сообщал он несколько чаще, чем нужно). В нем была нежность, нежность и надломленность, и таким же мне заранее представлялся наш секс. Мне не надо будет притворяться, как с другими. Может быть, мы оба поплачем. Может быть, заниматься сексом окажется не менее приятно, чем просто спать вместе.

В Валентинов день я надела кружевное белье и умоляла его перейти наконец-то к сексу. Мне был выдан длинный список трагикомических извинений: «Я хочу узнать тебя получше», «У меня нет презерватива», «Я боюсь, потому что ты мне слишком нравишься». Он принял снотворное, обнял меня и уснул. У меня же сна не было ни в одном глазу, и кожа под бельем зудела. И тут мне пришло в голову: это унизительно, асексуально, хуже того – скучно. Это не покой, а паралич. Отчуждение под видом контакта. Я медленно десексуализировалась и превратилась в плюшевого медведя с грудами.

Но я и женщина, и профессионал. Можете меня целовать. Можете видеть во мне кусок мяса, но уважайте мой ум. А я могу позволить себе взять такси и уехать домой. И я вызвала такси; печальная собака с еврейским именем смотрела, как я перепрыгиваю ограду и прохаживаюсь по тротуару в ожидании машины.

* * *

Предлагаю перечень тех, с кем делить постель нормально.

Сестра (если ты девочка) или брат (если ты мальчик), мама (если ты девочка) и папа (если тебе меньше двенадцати лет или ему – больше девяности). Лучший друг. Плотник, которого ты посадила в машину у палатки с лаймовыми пирогами в районе Ред-Хук. Курьер, встреченный тобой в бизнес-центре отеля в Колорадо. Испанская фотомодель, щенок, котенок, домашний карликовый козлик. Грелка-подушка. Пустой пакет от пита-чипсов. Любовь всей жизни.

И перечень тех, с кем делить постель ненормально.

Любой, кто дает тебе понять, что ты вторглась на его территорию. Любой, кто говорит, что «сейчас просто не в состоянии остаться один». Любой, кто не дает тебе почувствовать, что спать вместе – это самое уютное и чувственное, что можно придумать (разумеется, кроме вышеозначенных родственников; тогда им следует быть нежными, но сдержанными или слегка недовольными).

А теперь взгляни на того, кто рядом с тобой. Соответствует ли он этим критериям? Если нет, прогони его или уйди сама. Одной тебе будет лучше.

18 неуместных фраз, произнесенных мной во время флирта

1. «В колледже я получила прозвище Лина-Отсос, но именно потому, что я не отсасывала! Все равно что прозвать толстяка Заморыш Джо».
2. «У меня потеет только одна подмышка. Честно. У мамы то же самое».
3. «Однажды я очнулась в разгар секса с абсолютно незнакомым человеком!»
4. «Ага, давай встретимся, выпьем кофе. Только не „кофе“ кофе. Что-нибудь другое, от кофе у меня была кишечная инфекция, приходилось носить урологические трусы, которое мне дали в больнице».
5. «Звучит по-хипповски, но я вылечила вирус папилломы акупунктурой».
6. «Он был безногий и не был в меня влюблен. Но мы перестали дружить не поэтому».
7. «Я никогда не видела „Звездные войны“ и „Крестного отца“ – хороший повод побыть вместе».
8. «Я была ужасно толстошеким подростком, меня буквально покрывал слой жира. Seriously, могу показать фотографию».
9. «Приходи к нам. У меня прикольный папа».
10. «Я, наверное, из тех, кому лучше встречаться с мужчинами постарше, но мне с их яйцами не сладить».
11. «Я в восторге от занавесок в твоём фургоне!»
12. «Приходи ко мне на вечеринку! Шуметь и разговаривать нельзя: мой сосед при смерти, но я потратила кучу денег на салями».
13. «Можешь посмотреть мой пупок? Это чесотка, опоясывающий лишай, то и другое или ни то, ни другое?»
14. «Один раз я думала, что глажу свою голую кошку, а на самом деле это был мамин лобок. Под простыней, конечно!»
15. «Извини, у меня изо рта пахнет как будто металлом. Это из-за лекарства. Представляешь, такую огромную дозу еще никому не давали».
16. «Мне правда все равно, ворует ли ты в магазинах».
17. «Будь добр, не отмечай, как я сильно похудела. Очень утомительно, когда все спрашивают: „Как ты это сделала?“ И пошло-поехало».
18. «Моя сестра вернулась в дом, так что можно не волноваться. Хочешь, пересядем на камень без водорослей? Или с водорослями тоже нормально?»

Игорь. Мой бойфренд из интернета умер, и твой может умереть

Компьютеры появились неожиданно. Мы вернулись после каникул, а они тут как тут: семь серых ящиков на длинном столе в холле пятого этажа.

– Теперь у нас есть компьютеры! – объявила учительница. – И они помогут нам в учебе!

Народ оживился, а я засомневалась. К чему было портить холл уродливыми квадратными роботами? Почему все радуются как дураки? Что такого мы узнаем от этих машин, чего не могли бы узнать от учителей?

Особенно компьютеры притягивали к себе мальчиков. Каждую свободную минуту они стучали пальцами по клавиатуре, играя в простейшую игру, где надо было громоздить друг на друга и взрывать блоки. Я держалась от компьютеров подальше. Мое с ними знакомство произошло дома у моей подруги Марисы и повергло меня в растерянность. Было что-то зловещее в том, как на экране при загрузке вспыхивали зеленые буквы и цифры, и меня бесило, что стоит включить компьютер, и Мариса перестает отвечать на вопросы и вообще замечать меня.

У моей неприязни к компьютерам почти политический пафос: они меняют наше общество и, поверьте, к худшему. Давайте вести себя по-человечески. Общаться. Писать от руки. Я попросила освободить меня от занятий по компьютерному набору, где использовалась программа под названием «Мэвис Бикон учит печатать»: нам показывали, каким пальцем на какую букву надо нажимать. «Мизинец на М, – повторяла она. – Мизинец на М». Остальные старались угодить Мэвис, я же писала в тетради.

На родительских собраниях учительница говорила папе и маме, что я настроена «враждебно по отношению к технике». Очень жаль, что я не желаю «принимать новые технологии в классе». Когда мама заявила, что скоро компьютер появится у нас дома, я ушла к себе

в комнату, включила маленький черно-белый телевизор, который купила когда-то на барахолке, и отказывалась выходить в течение часа.

И вот однажды вечером, когда я уже вернулась из школы, его привезли: компьютер *Apple* и монитор размером с коробку, в каких перевозят вещи. Длинноволосый парень установил его, научил маму пользоваться дисководом и предложил показать мне «предустановленные» игры. Я помотала головой: «Нет. Не надо».

Но компьютер, поселившийся посреди гостиной и издававший легкое гудение, притягивал к себе как магнит. Я наблюдала, как няня помогает сестре играть в «Орегонский путь» (в итоге все ее виртуальное семейство умерло от дизентерии, не достигнув брода), а мама набирает текст в *Word* указательными пальцами: «Не хочешь попробовать?»

Искушение было слишком велико. Мне захотелось попробовать, понять, из-за чего шум. Но мне не хотелось притворяться. Я уже отказалась от вегетарианства и во время ланча со стыдом призналась девочкам, что у меня сэндвич с тофу и прошутто. Надо быть честной перед самой собой. Хватит перестраивать свою индивидуальность. А ненависть к компьютерам – часть моей индивидуальности. Улучив момент, когда горизонт был чист (мама разбирала свою обувь в спальне), я прошла в гостиную, села на холодный металлический офисный стул и медленно поднесла палец к кнопке «пуск». Послушала гудение и урчание загружающегося компьютера. И меня окрылило сознание того, что я переступила черту.

* * *

В пятом классе у всех нас появились виртуальные имена. Мы обменивались сообщениями друг с другом, а также заходили в чаты – сетевые посиделки с названиями типа «Тусовка тинейджеров» и «Место для друзей». Мне потребовалось некоторое время, чтобы переварить идею анонимности. Я не вижу людей, которые не видят меня. Я видна и не видна. Мы с Кэти Померанц придумали себе одного персонажа на двоих – четырнадцатилетнюю модель по имени Мэрайя. У нее были развевающиеся черные волосы, второй размер груди и широчайший набор смайликов. Сознывая необычайную силу Мэрайи, мы заманивали мальчиков описанием ее красоты, популярности и жажды любви, а также большими доходами. Мы печатали по очереди и хихикали, упиваясь своей властью. Как-то мы попросили мальчика из Делавера прочитать название бренда на ярлычке его джинсов. «Это „ранглеры“, – написал он. – Мама в „Волмарте“ купила». Возбужденные своим успехом, мы вышли из чата.

* * *

В девятом классе у нас появилась новенькая – Джулиана. Она никого не знала, но обладала самоуверенностью девочки, которая привыкла быть лидером с детского сада. Джулиана – панк, ходила с пирсингом в носу и прической в виде шипов, носила футболку с самодельной надписью «*Leftover Crack*»⁸, и лицо у нее было такое красивое, что иногда я невольно примеряла его к себе. Джулиана была веганкой по идеологическим соображениям и искренне умела наслаждаться музыкой без мелодии. Я неделю не могла прийти в себя, когда она поведала, что занималась сексом аж с двадцатилетним парнем в каком-то переулке.

– На мне была юбка, поэтому он просто сдвинул трусы, – сказала она так непринужденно, словно рассказывала, что ее мама приготовила на ужин.

⁸ Американская панк-рок-группа.

Через два месяца нашего знакомства она сделала по фальшивому удостоверению личности татуировку на шее, в виде морской звезды, грубую и неаккуратную. Я попросила разрешения потрогать стружья, не в силах поверить, что это останется *навсегда*.

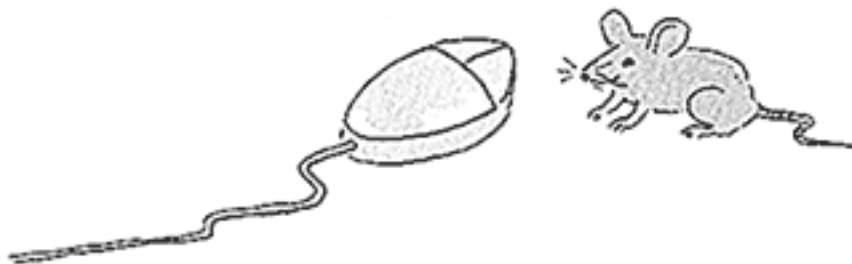
У Джулианы было много друзей-панков в Нью-Джерси, и по выходным она часто ездила туда на «шоу». За ланчем мы просматривали их самодельные сайты на *Angelfire.com*. Кто-то повесил на главной странице своего сайта изображение разлагающегося младенца. Но в основном помещали фотографии самих себя, потных, прыгающих в толпе перед сценой, собранной их же руками. Сразу и не поймешь, кто музыкант, а кто пришел оттянуться. Джулиана показала мне Шейна, симпатичного блондина, которым была увлечена. Его сайт назывался *Str8OuttaCompton*; только через десять лет я поняла, что имелось в виду⁹. На одной фотографии Шейна, запечатлевшей концерт в тесном подвале, я отметила мальчика – загорелого, щекастого, голубоглазого, с банданой на голове; ни на кого не глядя, он пританцовывал у края сцены.

– Кто это? – спросила я.

– Его зовут Игорь, – ответила Джулиана. – Он русский. И тоже веган. Очень славный.

– Он классный.

Вечером в чате выскочило сообщение от *Pyro0001*. Я приняла его.

Pyro0001: Привет, это Игорь.

* * *

В следующие три месяца мы с Игорем каждый вечер по несколько часов обменивались сообщениями. Я приходила домой около половины четвертого, а он в четыре, поэтому я запасалась едой и садилась ждать, когда появится его имя. Мне хотелось, чтобы он первым посылал «привет», но обычно у меня не хватало терпения дождаться. Мы говорили о животных. О школе. О несправедливости этого мира, чаще всего направленной против невинных животных, неспособных защитить себя от зла, которое приносят им люди. Игорь был немногословен, но я соглашалась со всем, что он говорил.

И я больше не возражала против компьютера. Он меня пленил.

В школе я не нравилась мальчикам. Одни не замечали меня, другие откровенно грубили, и никто не хотел со мной целоваться. Я еще не оправилась от разрыва, случившегося в седьмом классе, и отвергала приглашения на вечеринки, куда, как я знала, должен был прийти мой бывший бойфренд. К моменту знакомства с Игорем я лечила разбитое сердце в двадцать четыре раза дольше, чем длился последний роман.

Игорь хотел увидеть мою фотографию, и я отправила ему снимок, сделанный в спальне на фоне стены, где я нарисовала маркером деревья и обнаженные фигуры. Мои волосы висят, как выглаженная желтая занавеска; намазанные блеском губы сложены в полуулыбку. Игорь

⁹ «*Straight Outta Compton*» («Прямиком из Комптона») – альбом хип-хоп-группы *N. W. A.* из города Комптон.

сказал, я похожа на Кристину Агилеру. Поскольку он панк, это была скорее оценка, чем комплимент, но я все равно была взволнована.

Наш обмен сообщениями не останавливал ни ужин, ни перебранки с родителями. Он писал, как тихо в доме, когда он возвращается из школы, ведь его родители приходят не раньше восьми. Краткое «brb»¹⁰ означало, что курьер принес ему ужин, как правило, запеченные баклажаны. Игорь рассказывал, что в его школе есть лидеры и лузеры, меднолобые качки и фрики. Большая государственная школа и куча незнакомых людей в классе. Моя школа вроде бы совсем другая: маленькая, со своим лицом и более однородным составом учеников. Но и я иногда чувствовала себя в изоляции. Я стала писать про одноклассников «кисы» и «фальшивки» – слова, которые никогда не употребляла, пока не увидела их у Игоря. Слова, которые будут ему понятны и сблизят нас.

На каникулах мы с родителями уехали отдыхать. Я попросила служащих отеля пустить меня за компьютер, чтобы отправить Игорю валентинку. Он написал, что не пошлет новой фотографии, потому что у него как раз выскочило «несколько прыщей». Отец злился, что вместо пляжа я торчу в затхлом офисе в компании сотрудницы, курящей ментоловые сигареты, и пишу любовные письма мальчишке, с которым ни разу не виделась. Ничего-то он не понимал. У него даже электронной почты не было.

Джулиана сказала, что Шейн сказал, что Игорь сказал ему, что я ему очень нравлюсь. Я расхрабрилась и предложила Игорю созвониться. Он как будто бы охотно взял мой номер телефона, но так и не позвонил. Джулиана сказала, что, может, он акцента стесняется.

Trixiebella86: Если ты не любишь говорить по телефону, давай увидимся?

Игорь согласился увидеться в субботу на Сент-Марксплейс. Он придет на поезде и встретит меня на углу. Я надела брюки-карго, топ и короткий джинсовый жакет, хотя похолодало. От волнения я пришла на двадцать минут раньше. Игоря не было. Я прождала еще полчаса, но он так и не появился. Стараясь выглядеть непринужденно, я наблюдала,

¹⁰ Принятое в чате сокращение от *be right back* – «скоро вернусь».

как мимо меня пробегают студенты Нью-Йоркского университета и азиатские девушки с розовыми волосами. Дома я включила компьютер, но Игоря и в чате не было.

На следующий день он прислал мне сообщение.

Pyro0001: Извини. Предки не пустили. Может, в другой раз.

* * *

Игорь писал мне все реже и реже. Да и если писал, то только в ответ. Никогда не начинал первый. Каждый раз, услышав сигнал нового сообщения, я бежала к компьютеру в надежде, что оно от Игоря. Но нет, это был Джон – мальчик из соседней школы, танцевавший брейк, или моя подруга Стефани с жалобой на строгие требования своего папы, перуанца, к длине юбки. Игорь больше не задавал мне вопросов. Наши отношения буквально кипели разными возможностями: встретиться, понравиться друг другу в реале еще больше, чем онлайн, полюбить друг в друге все, от глаз до кроссовок. Но они кончились, не успев начаться. Я даже сомневалась, что могу считать его своим «бывшим». В конце лета я получила сообщение от Джулианы.

Northernstar2001: Лина Игорь умер.

Trixiebelles86: Что???

Northernstar2001: Шейн прислал сообщение. Передозировка метадона. Подавился собственным языком. В подвале своего дома. Хреново. Он единственный ребенок. И родители не любят говорить по-английски.

Trixiebelles86: А Шейн не говорил, разонравилась я Игорю или нет?

* * *

Я не знала, кому рассказать об этом, кому будет не все равно. Объяснять все с самого начала не хотелось. Родители не понимали, что Игорь реален, пока он был жив, и тем более не поймут, раз он умер.

Через год мне пришлось сменить виртуальное имя, потому что один парень из школы, волосатый бугай, написал мне по электронке, что собирается изнасиловать меня и вымазать соусом барбекю. Он был единственным, кто положил на меня глаз, но лучше бы я ему не нравилась. Он вскользь упомянул, что у него есть мачете, и прислал мне фотографию котенка, которого втиснули в бутылку и оставили умирать. Папа законно разозлился, позвонил моему дяде-адвокату, и тот сказал, что надо привлечь полицию. В первый и последний раз в жизни меня забирали из школы полицейские. Когда они пришли к тому парню домой, оказалось, что он хранил распечатки всех наших сообщений, многие страницы. Один из копов намекнул, что мне не следовало поощрять переписку, раз парень мне «в этом смысле» не нравился. Я сказала, что жалела его и только. Они посоветовали мне впредь быть осторожнее. Мне стало стыдно.

Мое новое виртуальное имя включало в себя настоящее, и я поделилась им только с немногими друзьями и с родными. Но я оставила старые контакты, поэтому всегда видела, кто и когда вошел в сеть. И однажды в строке «Вошел в чат» появился он – *Pyro0001*. Мир завертелся у меня перед глазами и встал на место; так бывает ночью, когда встаешь пописать, а весь дом как будто шепчет: «Лина, Лина, Лина».

«Привет», – напечатала я.

Имя исчезло.

Остаток дня я ходила так, словно видела призрак. Я набрала имя и фамилию Игоря в нескольких поисковых системах, надеясь найти некролог или еще какое-нибудь свидетельство того, что Игорь существовал. Конечно, Джулиана его знала. Встречалась с ним. Слышала его акцент. Он был реален. И он умер. Ненастоящие люди не умирают. Ненастоящие люди даже не существуют.

Годы спустя я дала его фамилию одному персонажу своего телешоу. Сигналю тем, кому не все равно: знайте, он был добр ко мне. Ему было что мне сказать. В этом смысле я его любила. Да, да, да.

Как делиться мыслями. Мой худший e-mail, с примечаниями

27 сентября 2010

А.¹¹

Прежде чем я снова начну писать, должна быстро черкнуть тебе вот что¹².

Последние шесть наших разговоров закончились серией долгих пауз, потом я что-нибудь говорила, потом поправлялась, потом как бы извинялась, потом брала свои извинения назад¹³. Будь это сцена из инди-ромкома¹⁴, я бы посмеялась, ну, первые несколько раз. Но столько раз повторяться не пришлось бы, я бы могла повесить трубку со словами: «Хорошего дня, А., созвонимся». Я открыто набиваюсь в собеседники и объясняю это в перерыве между паузами.

¹¹ Мне казалось романтичным заменить имя любимого инициалом, как в тайной переписке двух несчастливых в браке интеллектуалов конца XIX века. Чтобы любопытный почтальон не открыл, кто мы, и не выдал адюльтер нашим мстительным супругам, мы используем код. Этот код – первые буквы наших имен.

¹² «Черкнуть» – слишком обиходное словечко для трактата об эмоциональном расстройстве, который следует ниже. В продолжение нашего романа я отправила А. не одну такую лекцию, а в ответ получала односложные «круто» и «ясно» или скучнейшую простыню на постороннюю тему, которая в тот момент не давала ему покоя: то он не мог найти модные ботинки на зиму, то ему не хватало современного Хемингуэя. Напрасно я вчитывалась в эти письма, ища намеков на то, что они действительно написаны мне и обо мне, ничего не удавалось оттуда выжать, разве что послали их на мой адрес.

¹³ Я: В общем... [Пауза] Я: Ты еще здесь? Я себя чувствую как-то... Мне кажется, если я что-то говорю тебе, ты тоже мог бы что-то сказать мне, потому что именно это называется... [Пауза] Я: Разговор.

¹⁴ Иронические замечания по поводу ромкомов – отличный способ показать, что вы НЕ из тех девушек/женщин, которые заботятся об условностях в любви. Мы с А. часто спорили, что бы нам посмотреть. Его больше интересовала мужская классика восьмидесятых, я же склонялась (и теперь склоняюсь) к фильмам, где главный персонаж – женский. А. не мог признать, что ему просто не хочется тратить два часа на развернутое описание внутреннего мира женщины, поэтому говорил, что этим фильмам «не хватает структуры». Структура была постоянной темой его жизни. Он мастерил полки, писал сценарии и выбирал одежду в холодную погоду так дисциплинированно и строго, точно мы жили при коммунистическом режиме, хотя поначалу мне было даже любопытно. Правила, правила, правила: не сочетай синий и черный, не складывай книги плашмя, переливай напиток в графин и проверяй, чтобы на странице 10 происходило что-то значительное.

Мне следовало бы прекратить извиняться, умом я это понимаю, хотя я действительно сожалею (не о своем поведении с тобой, о более глубоких вещах: о химии моего мозга и о том, кто я есть. Я делаю, что могу, и не употребляю же мне героин, чтобы измениться, но я родилась сверхбеспокойной и заиклившей на своих пунктиках, как это бывает у самых прекрасных детей¹⁵). Конечно, динамика романтических отношений захватила нас обоих, и творчески, и теоретически¹⁶. Секс – аналогично. Но встроиться в повседневную жизнь друг друга так, чтобы было комфортно, труднее¹⁷.

Ты мне действительно очень нравишься. Не в пугающе депрессивном ключе¹⁸, и я не медитирую над твоей фотографией (хотя и такое бывало)¹⁹, но изо всех сил стараюсь сделать тебя частью своей жизни или хотя бы представить, как это могло бы быть. Я уже приготовилась провести четыре месяца в Лос-Анджелесе, раствориться в чужом городе, где непривычно мало зелени, принимать в гостях родителей, ходить в походы и, возможно, для полноты картины встречаться с каким-нибудь придурком²⁰. За неделю до нашего знакомства я сострила в разговоре с кем-то, что «на данном этапе была бы ужасной подружкой, потому что одновременно требую и не даю»²¹. Шутки – не просто шутки²².

Встречаться с тобой очень здорово, и мне интересно регулярно делиться с тобой какими-то мыслями²³. Но я – одно, ты – другое, поэтому все идет не так легко и естественно; я это я, я это выстрадала. Вот почему я пытаюсь представить, как прихожу домой и вижу

¹⁵ Отсылка к нашему с А. разговору: я рассказала ему, что в детстве меня завораживала собственная красота. В тот период жизни я еще не знала, что в обществе считается неприличным рассказывать, что ты сам себе нравишься.

¹⁶ Хотя работа А. была связана с тяжелым физическим трудом, в том числе переноской тяжестей, его настоящей страстью была беллетристика. После долгих упрасиваний с моей стороны он наконец дал мне почитать один свой рассказ. Это был двадцатистраничный отчет молодого человека, очень похожего на самого А., о попытке соблазнить азиатскую девушку, сотрудницу модного магазина *J. Crew* в Сохо. Это была необычная и занятная проза, но сама история оставила неприятный осадок. Мне понадобились целые сутки, чтобы понять причину: почти в каждой фразе сквозило фундаментальное презрение к женскому полу, которое А. никогда не давал почувствовать и не высказывал. То же самое я ощутила, когда в восьмом классе прочитала «Прощай, Коламбус» Филипа Рота: мне очень понравилась книга, однако я бы не хотела встретиться с этим человеком. Но в данном случае и рассказ хороший, и его автор уже со мной.

¹⁷ В первую неделю знакомства я проводила у А. все ночи. Время в жаркой спальне без окон застыло. Каждый день мы вместе делали шаг вперед: чистили зубы зубной нитью, ели один бейгл на двоих, засыпали без секса. А. признался, что у него не все в порядке с желудком. Утром пятницы я вышла на свет божий. За пять дней мы проиграли целый год совместной жизни. Я села в самолет до Лос-Анджелеса, не зная, когда мы еще встретимся. Точно знаю, что мне не показалось: А. немного прослезился, высаживая меня у метро.

¹⁸ А может быть, именно так.

¹⁹ Это был эксперимент. Все равно что пялиться на пустую вазу или в окно.

²⁰ Это была моя первая рабочая поездка. Я снимала дом среди холмов, над Голливудом. Мне его разрекламировали как «шикарный» и «в двух шагах от самых шикарных мест», на деле же он оказался маленьким и сырым, с тремя слепыми стенами, а безликим квадратным фасадом напоминал тайную лабораторию по производству метамфетамина. Зажатая в ловушке между неудачливым телесценаристом, владельцем своры питбулей, и профессором – приверженцем квир-теории, который носил галстук боло и коллекционировал муранское стекло, – я решила, что доза страха, принятая здесь в одиночестве, прямо пропорциональна получаемому объему знаний о жизни. Поэтому я продержалась пять месяцев и называла это ростом. Как-то ночью я надела халат, вышла на веранду, подняла глаза на луну и произнесла: «Кто же я?»

²¹ Помню, я так впечатлилась этой фразой, что аккуратно отмечала, кто ее уже слышал, а на ком ее еще можно испробовать.

²² Перефразируя Фрейда.

²³ Мне нужен был парень. Любой. Конкретно этот, надушенный, как Стив Маккуин, хорошо дополнял мое представление о себе самой, но посмотрим правде в глаза: он оказался в нужное время в нужном месте. Через месяц я начала понимать, что совместное времяпрепровождение оставляет во мне чувство пустоты и скоротечности, что он ненавидит все мои любимые песни, и иногда от скуки я нарочно затевала ссору, чтобы испытать острое чувство близкого разрыва. Как-то мы катались на машине, и я три часа кряду лила слезы, надев темные очки, как будто оплакивала тридцатилетний брак. «Я не знаю, что мне еще сделать, – рыдала я. – Не могу так больше». «Не можешь или не хочешь?» – орал он, как Стенли Ковальски, от злости паркуясь в самом неудобном месте и яростно переключая передачи. Дома я металась по комнате, и мы кричали друг на друга; потом я сказала, что мы могли бы начать все сначала, и он с довольным видом включил PlayStation.

тебя, и думаешь ли ты обо мне, когда дрочишь²⁴, и готов ли ты к тому, что кто-то будет все время болтаться рядом.

В тот вечер, когда мы познакомились в гостях, ты сказал, чтобы я ждала тебя на углу. Я была стопроцентно уверена, что ты меня обманул и пошел в другую сторону. На самом деле ты не пришел туда, куда сказал, но стоял неподалеку²⁵.

ОК²⁶,

Л.²⁷

P. S. Если тебе нечего ответить на мой мейл, это будет прямо идеальная справедливость²⁸. И прости, что пишу так невесело²⁹.

²⁴ Я как-то задала ему этот вопрос. Ответом мне было фирменное молчание. Я рискнула завязать «секс по эсэмэс», начав словами: «Я хочу, чтобы мы трахались, не укрываясь простынями». Нечто подобное могла бы потребовать Анаис Нин. «Нет, – сказала бы она. – Простыню долой». Он ответил следующими текстами: «Я хочу трахнуть тебя под кондиционером» и «Я хочу трахнуть тебя, поставив будильник на 8.45». Я закрыла глаза и постаралась проникнуться его чувственностью: холодок воздушной струи на шее; сознание того, что ближе к девяти раздастся звонок... И только после одиннадцатого эсэмэс я сообразила, что человек устроил себе дадаистский перформанс за мой счет.

²⁵ Я мечтала, чтобы это была метафора: любовь предлагает нам пути, меняет их, но никогда нас не предаст.

²⁶ Видишь? Я спокойна как утюг. Релакс, чувак.

²⁷ На Рождество мы расстались, на сей раз по-настоящему. Под занавес он сказал, что не способен любить и ищет только удовольствия. Я же вся искрюсь, полна страсти и жизнелюбия – упрямый росток в бетонных джунглях. Он как раз вернулся от родителей, когда я пришла к нему выяснять отношения, полагая, что ему будет легче пережить это на своей территории. На веранде обычно сидела его квартирная хозяйка Кэти, пожилая женщина с выразительной татуировкой пантеры на оплывшем плече, и наблюдала за окрестностью в компании нескольких йоркширских терьеров. Но в тот вечер ее не было. Зато на дорожке к дому лежали охапки цветов и стояла масса свечей. Я поднялась к А., который предположил, что умерла одна из собачек. Желая проверить, все ли в порядке, мы позвонили Кэти, но ответила ее дочь. Кэти поскользнулась в душе. Возможно, у нее случился сердечный приступ, они еще точно не знают. Вечером поминки. И мы с почти уже бывшим бойфрендом поехали на другой конец Бруклина в похоронное бюро, где простились с напудренной, посеребришей и окостенелой Кэти в велюровом спортивном костюме с пачкой ментоловых сигарет в нагрудном кармане. Потом мы с А. сидели у него на диване, держась за руки, и он гадал, было Кэти больно или нет и подскочит ли плата за квартиру. Я решительно сжала его руку: «Знаешь, я люблю тебя». Он торжественно кивнул: «Знаю».

²⁸ А. позвонил мне через пять минут после того, как я нажала «Отправить»: «Погоди, ты о чем?» «Что ты обо всем этом думаешь? – спросила я. – Ты в чем-нибудь не согласен со мной? Если да, то скажи». «Я перестал читать, когда дошел до дрочилова». В новогоднее утро мы последний раз занимались сексом. Я еще не совсем проснулась, когда он придвинулся ко мне сзади. Мы были за городом у моих друзей, которые старше меня, и уже с шести утра я слышала голоса их детей, слышала, как они скользят по паркету в носках, прося то одно, то другое. Пока он тихо трахал меня, я думала, что хочу завести детей. Своих собственных детей, когда-нибудь. Потом я стала думать, трахался ли кто-нибудь рядом со мной, когда я была ребенком. От этой мысли меня передернуло. Выезжая на дорогу, мы заставили попятиться машину очередного гостя, и он свалил заборчик. В городе я поцеловала А. на прощание, а через несколько минут отправила ему эсэмэс: «Не приходи больше никогда». Мы делаем то, что можем.

²⁹ Как по мне, письмо смешное, но в другом плане.

Девушки и придурки

Существует распространенное заблуждение, что «самоуважение» работает как заклинание от змей. Если оно у вас есть, вы укрыты в нетронutom эдеме: ни чужих постелей, ни двусмысленных разговоров, вообще никаких горестей.

Но все совсем не так. Самоуважение не связано с внешними вещами, оно дает личный покой; вы живете в мире с самой собой.

Джоан Дидион «О самоуважении»³⁰

Я вечно напарываюсь на сильных женщин, которые ищут слабых мужчин, чтобы ими командовать.

Энди Уорхол

³⁰ Я думаю, мы с Джоан говорим о нескольких различных типах самоуважения. Она имеет в виду, что вы ответственны перед собой за свои действия и ложитесь спать с сознанием того, что были сами с собой честны. Я имею в виду главным образом секс. Но и с ней соглашаюсь. Л. Д.

Меня всегда привлекали придурки. Они варьируются от развязных чудаков (по сути, неплохой народ) до сексуально озабоченных социопатов, но едины в том, что после первого свидания начинают вести себя свински и стремятся меня проучить.

Ребята! Вы нагрубили мне в магазине здоровой еды? Это интересно. Вы игнорируете меня во время общей беседы? И это я отмечу. Особенно мне нравится, когда поначалу мужчина грубит, объясняет это защитным механизмом, а узнав меня получше, становится еще грубее. Правда, отметив четверть века своего существования, я нашла по-настоящему хорошего человека, и все изменилось. Я считаю, что нахожусь в процессе излечения от любви к придуркам, поэтому вышеперечисленные примеры поведения для меня пока небезопасны.

Придурки увлекают меня очень давно. В раннем детстве я проводила лето в домике на озере, сидела с ногами на потертom диване в маминой футболке с надписью «*Mind the Gap*» и смотрела кино: «Тогда и теперь», «Человек на Луне» и тому подобное. Из этих историй о раннем влечении я вынесла только одно: если ты действительно нравишься мальчику, он обрызгает тебя из водяного пистолета и даст тебе прозвище Капля. А если он спихнул тебя с велосипеда, так что ты раскровенила колени, не исключено, что в ближайшее время он собирается поцеловать тебя у бассейна.

Мое самое раннее воспоминание о сексуальном возбуждении связано с просмотром спортивной комедии «Несносные медведи», а конкретно с Джеки Эрлом Хейли в роли Келли Лика. Он носил короткую кожаную куртку, ездил без прав на мотоцикле, курил и проявлял такую непочтительность к старшим, какой я никогда не видела у мальчиков из квакерской школы. Более того, он раздевал глазами взрослых женщин, как ассистент Хью Хефнера³¹. Позднее я оценила мотив неподконтрольного влечения, желания вопреки желанию, как между Джейн Эйр и мистером Рочестером. Помните, каким взглядом Холли Хантер смотрит на Уильяма Херта в «Теленовостях»? Словно ей ненавистно все, что он поддерживает. Это было восхитительно. И даже «9½ недель» таят в себе жутковатый смысл. Все это, в общем, естественно: кого не зацепят превратности флирта и немного спорта? Однако должна признать, я часто перебарщивала с эмоциями.

Считается, что если у тебя хороший папа, то и мужа ты себе выберешь хорошего, а лично у меня самый замечательный папа в мире. Замечательный – не абстрактная оценка. Замечательный потому, что всегда уважал мою природную суть и искусно давал мне почувствовать свою поддержку и мою свободу одновременно. Он строгий, но великодушный лидер, со взрослыми говорит как с малолетними преступниками, а с детьми – как со взрослыми. Я не раз пыталась создать похожий на него персонаж, но выделить его суть так сложно. Со мной не всегда было легко, да и с ним тоже – в конце концов, художники любят запира́ться в мастерской на несколько дней и биться в припадках из-за плохого освещения, – но папино тактичное внимание и надежность всегда поддерживали во мне чувство защищенности. Самую неподдельную радость я испытала на детской вечеринке, когда в дверном проеме возникла фигура отца в твидовом пальто: он приехал спасать меня из неприятной компании.

Как-то раз меня пятилетнюю взяли на открытие выставки, где я разговорилась с чуждой подвыпившей англичанкой. Мне уже давно следовало лежать в кровати, и все происходящее начинало меня раздражать. Рядом стояла моя подруга Зои, ей было всего четыре года – досадно юный собеседник. Желая завязать разговор, англичанка спросила нас, что делают наши родители, если мы плохо себя ведем.

– Когда я плохо себя веду, я сижу одна в комнате, – сказала Зои.

– Когда я плохо себя веду, папа втыкает мне вилку во влагалище, – заявила я.

³¹ Издатель журнала «Плейбой».

Рискованные слова, ведь окружающие могли затрубить тревогу. Нас учат прислушиваться к маленьким девочкам, особенно когда они упоминают об извращениях с использованием ножей и вилок. Вдобавок мой отец создает произведения с откровенным сексуальным содержанием, поэтому не исключено, что ФБР уже занесло его в список потенциальных вилковтыкателей. И вот лишнее доказательство отцовского добронравия: после того как англичанка повторила мою «смешнейшую» реплику в кругу взрослых, папа сгреб меня в охапку и унес наверх со словами: «Похоже, кому-то пора спать».

* * *

Существует и другая теория, нечасто обсуждаемая (возможно, потому, что я ее автор): если ваш отец исключительно добр, ты будешь искать полную противоположность ему, в знак протеста.

Ничто в моей биографии не предвещало влечения к придуркам. С трех лет я начала посещать встречи Коалиции борьбы за права женщин³². Мы, дочери активисток из даунтауна, сидели в задней комнате и раскрашивали портреты Сьюзен Энтони³³, в то время как наши мамы планировали очередную демонстрацию. Благодаря тому, что они обсуждали при нас, как держаться своего курса и преодолеть верховенство мужчин в мире искусства, я усвоила ценность принципов феминизма задолго до того, как поняла, что я женского пола. Мое феминистское воспитание укрепилось в частных школах, где поощряли прогрессивную мысль и где наравне с алгеброй изучалось неравенство полов; в лагере для девочек в штате Мэн; от просмотра бабушкиных военных фотографий (она всегда говорила, что «настоящим делом занимались санитарки»). И в довершение всего, отец требовал, чтобы мы с сестрой были самыми красивыми и умными «плохими девочками» в Готэме, и неважно, сколько раз мы описались или обкорнали челку тупыми кухонными ножницами.

Первая интимная история с республиканцем у меня произошла, кажется, в девятнадцать лет. В тот злосчастный вечер я собралась переспать со студентом-консерватором из нашего колледжа, обладателем лиловых ковбойских сапог и ведущим передачи «Разговор о главном с Джимбо» на радио. Нетвердым шагом следуя за ним после вечеринки, я могла бы сказать о нем только одно: мрачный, агрессивный тип и полный ноль в покере. Как это привело нас к соитию – клинический пример того, что под действием расслабляющих средств антипатия быстро превращается в желание. В процессе секса на плесневелом коврике я обратила взгляд на растение, принадлежавшее моей соседке Саре, и заметила болтающийся на нем предмет. Я попыталась представить его форму и тут сообразила, что это кондом. Мистер Радионяня кинул контрацептив в горшок с нашей пальмочкой, думая, что я слишком глупа, пьяна или слишком возбуждена и не обращаю на это внимания.

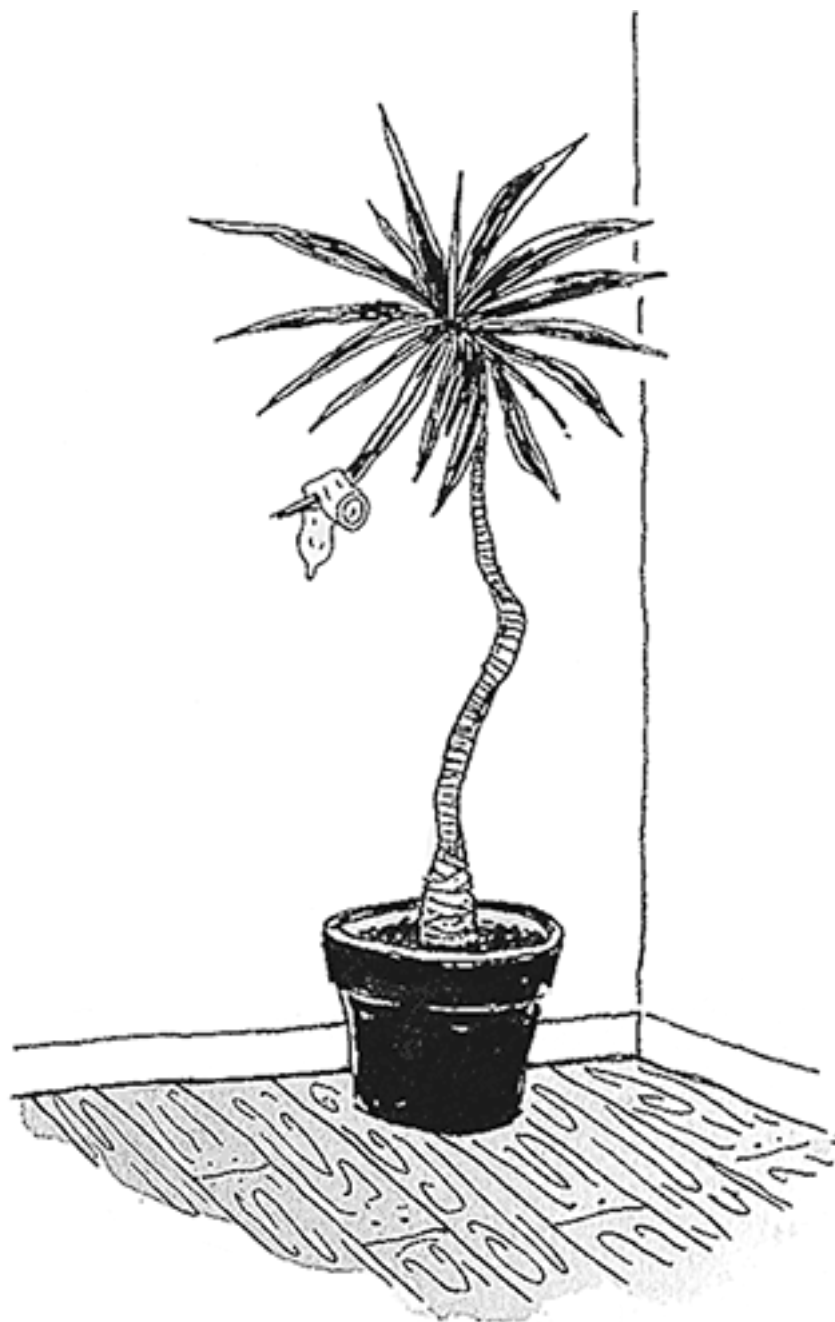
– Извини... Это что, кондом? На пальме? – в изумлении пробормотала я.

– О! – он сделал вид, что шокирован не меньше, и потянулся к кондому, будто бы собираясь его надеть.

Но я уже поднялась и добрела до дивана, так как ничего другого, чтобы прикрыться, вблизи не нашлось. После этого я попросила его уйти и следом швырнула за дверь его толстовку и сапоги. На следующее утро я полчаса просидела в ванне, как героиня фильма про переходный возраст.

³² Феминистская организация, просуществовавшая с 1992 по 1995 г.

³³ Сьюзен Энтони (1820–1906) – один из лидеров суфражистского движения в США.

Днем он не поздоровался со мной, да я и не расстроилась. В декабре он окончил колледж, а вместе с ним 86 % республиканского населения Оберлина. Я излила свой стыд в экспериментальной короткометражке под названием «Кондом на дереве» (классика!) и твердо решила, что в следующий раз отдамся кому-нибудь в более достойных условиях.

И тогда я познакомилась с Джеффом.

Джефф был старшекурсник, светловолосый мечтатель. Однажды он лежал в гамаке моих родителей и плакал, потому что я его «принуждала к сексу», когда он просто хотел, чтобы его послушали. У него бывали спады³⁴, но в основном он меня опекал и поддержи-

³⁴ Как-то раз мы принимали экстази, и ровно перед тем, как таблетки подействовали, Джефф спросил меня, что я думаю о свободных отношениях. За этим последовали двенадцать часов рыданий (а не восьмичасовой оргазм, о котором рассказывала моя подруга Софи). Как-то раз Джефф заставил меня поехать на день рождения его друга, но после трех часов пути у него случился приступ социального беспокойства, и войти в дом он так и не решился. Как-то раз Джефф выдумал, что у него в кладовке живет фиолетовый кот и все время бедокурит. Или это был подъем, а не спад? Л. Д.

вал. Наша любовь была спокойной, ласковой, и мы в ней были равны. Джефф не придурок, но и не мой тип.

Мы расстались, как расстается большинство студенческих пар. После этого я месяц провалялась в кровати и не могла переварить ничего, кроме макарон с сыром. Даже терпеливый папа устал от моих преувеличенных страданий. Но потом я получила свою первую после колледжа работу – в одном из ресторанов даунтауна, и там я встретила любовь совсем другого сорта.

Хоакин родился в Филадельфии и был почти на десять лет старше меня. Он излучал самодовольство (что выглядит несообразно, если носить такой ширпотреб, как шляпа «федора»), был долговяз и тощ и одевался, как Марлон Брандо в фильме «Трамвай „Желание“». Циничный гурман, он обожал максимы вроде «хреново было бы жить после сорока пяти» и вел себя как мой повелитель. Вообще-то он встречался с одной девушкой, но мы флиртовали. Флирт состоял в том, что Хоакин тестировал мой общий интеллект и отмечал слабость пространственного мышления, а затем подмигивал в знак того, что все это шутка.

Однажды вечером кто-то нагадил перед дверью в туалет.

– Я надеюсь, ты понимаешь, что убирать придется тебе, – сказал Хоакин.

Убирать я не стала, но получила некое удовольствие от самого распоряжения. Хоакин откровенно грубил. Притворно негодуя («А чего мне-то!»), я таяла. Он был Снайдли Уиплэш, а я – невинная девушка, привязанная к рельсам, только я совсем не ждала Дадли Справедливого³⁵.

Мы начали переписываться. Мои письма были длинные и замысловатые, я старалась показать Хоакину свою склонность к черному юмору (я могу шутить об инцесте!) и как много я знаю о Романе Полански. Хоакин отвечал кратко, в его письмах можно было вычитать и все, и ничего. Он даже ни разу не подписался. В день моего увольнения мы встретились после работы и раскурили травку, которую я по этому случаю достала. У меня не было бумаги для самокруток (на самом деле я не курю травку!), и мы использовали страницу из книжки «*Final Cut Pro* для чайников». Я попыталась поцеловать Хоакина. Он сказал, что не должен со мной целоваться, – не из-за подруги, а потому, что уже спит с другой официанткой. Мы пошли в круглосуточный пакистанский ресторан. Получив отказ, я впервые за много дней ощутила голод. Мы ели лепешки наан в полном молчании.

Этот вариант дружбы продержался до июня, а потом мы поцеловались на улице перед рестораном. Меня разочаровали слишком твердые губы Хоакина и манера замолкать, когда у него случалась эрекция. Последовали два года неопределенности, спорадических встреч ради секса, сопровождаемого все новыми извращениями и зачастую приемом средств, которые мои родители держали на случай сильной боли, а я таскала и припрятывала. Порой Хоакин игнорировал меня месяцами, и когда я сидела в поезде метро, такая девчонка в беретке, на каждой остановке мне мерещилась в дверях его фигура. Дождавшись наконец при-

³⁵ Персонажи мультсериала начала 1960-х гг. «Рокки и Бульвинкль»: злодей, полицейский и его возлюбленная.

глашения в гости, я пропадала у него дома, как в черной дыре. Если мне случалось там заснуть, то наружу я выходила иногда лишь к полудню, продрогшая до костей, и на улице моргала от неяркого бруклинского солнца.

Кульминацией наших отношений стала поездка в Лос-Анджелес, хуже которой еще не бывало, разве что у Дэвида Линча. Мы провели четыре дня в отеле «Шато Мармон», где витает призрак Джона Белуши и оттого принимать ванну неудобно, и с вами крайне нелюбезны, если вы просите ложку. Основные факты: Хоакин ни разу не прикоснулся ко мне, я заснула голой в ботфортах моей мамы, Хоакин честно сказал, что понятия не имеет, как следует заботиться о другом человеке.

К тому времени мои творческие поиски уже получили некоторое признание, и я думала, что Хоакин меня зауважает. Но успех не принес мне ничего, кроме денег, чтобы во время ужина с друзьями я могла выскользнуть из-за стола, взять такси и приехать к нему домой. Я надеялась, что никто не спросит меня, куда я собралась, и мне не придется врать. После Лос-Анджелеса раз или два мы занимались сексом, но мое сердце в этом не участвовало. Если вообще участвовало когда-нибудь.

Перескажи я нашу историю тогда, она получилась бы сильно приукрашенной. Я бы написала, что Хоакина никто не понимает, а он такой же печальный, испуганный и одинокий, как и мы все. Я бы посмеялась, описывая сумасшедшие сексуальные выдумки, которые позволяла Хоакину, и его житейскую незрелость (входную дверь загораживает недособранный каркас кровати, наличные хранятся в ящике из-под сигар, по всем карманам расставлены презервативы). Подходя к его дому, я всегда повторяла себе: да, мое место не здесь, но ведь можно сделать привал на дороге жизни, не так ли? Я представляла себя шпионкой: отсутствие самоуважения я изображаю для отвода глаз, а втайне готовлю подробные разведывательные отчеты для девушек, чьи бойфренды выглядят как лесбиянки и предлагают посмотреть очередную серию «Ночных огней пятницы», поедая готовый ужин из коробки. Пусть у них будут уютные мирки и шаблонные любовные истории. Я не удовлетворюсь нормой, мне бы замутить что-нибудь в духе Сид-и-Нэнси. Я буду круче.

* * *

Я росла счастливой девочкой. Мне не всегда легко было ужиться с собственной головой, но меня окружала любящая семья, и беспокоились мы разве что о том, какую галерею посетить в воскресенье и помогает ли детский психолог побороть мои проблемы со сном. Только в колледже я начала понимать, что получила несколько «тепличное» воспитание. Однажды, когда я училась на первом курсе, под окнами моего общежития расположилась компания полуночников, они курили и громко смеялись; мне страшно захотелось присоединиться к ним, и я выскочила на улицу прямо в пижаме.

– Что у вас тут происходит? – спросила я.

– Оу, – протянул Гэри Прэлик, который постоянно носил свитер, связанный прабабушкой (потом я узнала, что ей всего семьдесят девять). – Не твое дело, барышня из Сохо.

Придурок и вредина. (Разумеется, потом я с ним переспала.) Я очень старалась выбросить из головы его слова, но они привязались ко мне, подкрались в те ночные минуты, когда я уже съела три куска пиццы, но еще не заснула. Чего я не понимаю? И как это понять, если не сваливать все на послевоенное расслоение общества? Я не могла отделаться от ощущения, что мне еще многое предстоит узнать на собственном опыте, многому научиться. Именно это ощущение легло в основу моего романа с Хоакином.

Так вот, друзья, узнавать «мир» не значит строить из себя шалаву перед уроженцем нью-джерсийской глубинки, который в четыре часа утра раздумывает, какую запись группы *Steely Dan* поставить. Тайна жизни приоткрывается не тогда, когда люди смеются над тем,

что ты училась литературному мастерству. Ничего просветительного нет в том, что ты позволяешь лысому приятелю своего почти бойфренда класть руку тебе на бедро в сантиметре от промежности, потому что, кажется, влюбилась – иначе как объяснить такие траты на дорогу до его дома?

Мой и Хоакина первый секс был короток и оставил осадок грусти. Над нашими головами тихонько гудели лампы. Хоакин не смотрел на меня. Потом он быстро ретировался. Я гадала, не моя ли в том вина. Может, я была холодна как рыба, или вообще неизобретательна в постели, или меня парализовало, потому что я отчаялась понравиться. Может, это моя судьба – лежать бревном, пока не состарюсь для секса.

А в канун Дня благодарения я встретила Хоакина в одном из баров в Куинсе. На мне были колготки в сеточку и серый костюм с короткой юбкой из «Джей Си Пенни» – ни дать ни взять проститутка, переодевшаяся страховым агентом. Но что-то в моем наряде распахнуло Хоакина, новый голод, отраженный в его глазах, повлек нас к нему домой, он стал целовать меня на диване, решительно и немного зло. Потом он подвел меня к кровати и уложил на живот. Я была пьяна, испугана, заморожена, поэтому мои воспоминания туманны, но я точно знаю, что колготки были скомканы и засунуты мне в рот. Иногда я переставала понимать, где он находится, пока не кончила. На сей раз он говорил со мной и дал волю такой гнусной похабщине, какой я еще не слышала из человеческих уст. Я была впечатлена затейливостью изложения, но и устрашена его наклонностями. Вот, подумалось мне, лучшая игра, в какую я когда-либо играла.

На следующий день я шла по улице без колготок, пошатываясь, и не могла решить, пала я или воспряла.

Но я не стала ближе к правде жизни от того, что присмотрела бар в соседнем квартале и, посидев там, соврала Хоакину, что я на классной вечеринке «как раз неподалеку». Хоакин оказался занят. С другой своей девушкой, которая, по его словам, «так хорошо воспитана, что даже грязное белье у нее пахнет, как чистое». Почему я не перестала звонить ему? Ждала, что он изменится. Даже в самые скверные минуты ждала, что он заговорит со мной, как говорили отец или Джефф. Как ни увлекала меня новая разновидность неуважения, в глубине душе я хотела, чтобы меня уважали.

Мне было тяжело, одиноко, и казалось, что я очень далеко от себя настоящей, а это, наряду с сильной тошнотой без рвоты, я считаю верхом человеческих несчастий.

Развязка всегда наступает неожиданно. Худшее уже позади, ты успеваешь пройти десять шагов вперед, и тут тебя резко кренит влево. Мы с Хоакином съездили в Калифорнию, затем последовал долгий период охлаждения. А дальше мы влюбились друг в друга на целую неделю. По крайней мере, я чувствовала влюбленность. Стоял октябрь, было еще тепло, но почти все время моросил дождь. Я получила первый в жизни гонорар и купила кожаный блейзер с серебряными люверсами и широкими лацканами, в сочетании с которым любая одежда смотрелась как униформа из будущего. Мы встретились, чтобы вместе выпить, и Хоакин крепко меня обнял. Мы обсуждали Лос-Анджелес, как там стало уныло, и насколько все-таки нам лучше быть друзьями. Мы засиделись в баре, пропуская рюмку за рюмкой, а уже у него дома решили, что друзья могут заниматься сексом, только без поцелуев, как в «Красотке». Наутро он лег поближе ко мне, а не с краю. А через несколько часов написал мне в эсэмэске, что провел со мной прекрасный вечер. Это было как чудо.

Через два дня мы пошли в кино. Я снова надела блейзер, а Хоакин купил мне гамбургер – кстати, именно он положил конец моему вегетарианству, за что я по гроб жизни буду ему благодарна, потому что кровь животных придает мне сил. По улице мы шли близко друг к другу, и я вдруг осознала, что Хоакин впервые публично свидетельствует свое право собственности на меня. У меня в спальне (родители уехали) мы смеялись, болтали и опять

начали целоваться. Вот таким мог быть наш роман. Но таким он никогда не был. И я разозлилась.

Ободренная новым статусом женщины, делающей важную работу, и покупкой красивого блейзера, я приказала Хоакину валить ко всем чертям. Ну, точнее, написала по интернету. После лучшей ночи из всех, первой ночи, когда Хоакин дал мне быть самой собой, я написала ему, что он причинил мне боль, злоупотребил моей привязанностью, из-за него я чувствовала себя доступной женщиной. Что не такого обращения я жду и больше не хочу иметь с ним дела. Потом я сидела и ждала письма с извинениями. У меня разболелся живот, но ответа я не дождалась.

После того письма я спала у Хоакина еще только раз, облаченная в спортивный костюм. Первые шаги.

* * *

Играя какую-либо сцену, никогда нельзя формулировать ее посыл напрямик и скормить в готовом виде: ведь отчасти драматизм состоит как раз в том, что твой персонаж сам еще толком ничего не понимает. Я хотела бы со блюсти это правило и здесь. Мне казалось, я обладаю достаточным умом и здравым смыслом, чтобы отделять оценку, которую давал мне Хоакин, от самооценки. Я полагала, мне удастся терпеть равнодушие, граничащее с презрением, и сохранять нерушимое уважение к себе. Я подчинялась командам Хоакина, твердо веря, что могу исполнять эту роль без ущерба для той заповедной части своей природы, которая, я знала точно, заслуживает большего. Иного. Лучшего.

В реальности все по-другому. Если кто-то показывает, как ты мало значишь, и ты не бросаешь его, то начинаешь незаметно для себя падать в собственных глазах. Ты не состоишь из отделений! Ты цельная личность! Все сказанное и сделанное по отношению к тебе затрагивает тебя целиком. Позволять обращаться с собой как с куском дерьма – не забавная игра и не дерзкий интеллектуальный эксперимент. Ты принимаешь такое обращение, поддерживаешь и привыкаешь думать, что заслужила его. Очень просто. Но скольких усилий мне стоило все усложнить.

Я сказала себе, что сама виновата. В конце концов, Хоакин никогда не обещал порвать со своей девушкой. Он с самого начала дал мне знать, что по природе бунтарь и рубит правду-матку. Он даже звонить никогда не обещал. И все же я убеждена: вступая в интимную связь, мы обязуемся, чисто по-человечески, быть порядочными, выражать друг другу одобрение, уважительно изучать характеры друг друга. Недавно одна подруга пожаловалась мне на юриста, с которым у нее был роман: «Как человек, который постоянно заботится о социальной справедливости, может настолько мало заботиться о моих чувствах?» И я рассказала ей об этом обязательстве. Я верю, что оно справедливо и реально. Хоакин не выполнил свою часть договора. А я не узнала о жизни ничего такого, чему не научилась бы в своем Сохо.

Барри

Я ненадежный рассказчик.

Я добавляю вымышленные подробности практически в каждую историю о своей матери. Моя сестра утверждает, что каждое наше «общее» воспоминание придумано мной, чтобы произвести впечатление на публику. Я часто прикидываюсь нездоровой. Когда я хочу изобразить кого-нибудь из знакомых мужчин, то говорю низким голосом и с самоуверенной интонацией, а когда отца – имитирую интонацию «не приставай к старшим». Но главное, я описала в этой книге сексуальное недоразумение, произошедшее между мной и уса-тым республиканцем в колледже, как обидный, но поучительный промах неофитки в выборе партнера. На самом же деле никакого выбора не было.

* * *

Эту историю я пересказывала себе на все лады, и сейчас в моей памяти сталкиваются несколько версий, хотя природа событий такова, что они случаются лишь раз и их ход не изменить. День спустя каждая подробность еще виделась четко (насколько это возможно в тумане от теплого пива, ксанакса и неумело употребленного кокаина). Через несколько недель все они стали воспоминанием, которое я от себя отгоняла, как в свое время отгоняла мысли о дедушке, лежащем в гробу в морской униформе – таким я увидела его за поворотом коридора в похоронном бюро.

В последней версии я вспоминаю то, что могу вспомнить. Те вещи, которые я могу осознать. Не помню, как все началось, но дальше мы с Барри лежим на ковре (точнее локализовать место действия не могу), в пыльных сумерках съемной комнаты я различаю бледный и вялый пенис, приближающийся к моему лицу, чувствую прохладу воздуха и прикосновение губ там, где неожиданно для себя раздета. В голове снова и снова звучит рефрен, работает жалкий механизм самоуспокоения: «Так делают взрослые».

* * *

Два раза в жизни я чувствовала себя крутой, и оба раза в новой школе. В седьмом классе я сменила квакерскую школу на Манхэттене на бруклинскую общеобразовательную. В первой я слегка диссонировала, как ребенок из музыкальной богемы, только петь я не умела, а вместо этого, сидя в углу столовой и жуя бутерброд с прошутто, читала биографию Бар-

бры Стрейзанд и наслаждалась одиночеством, как недавно разведенная женщина в римском уличном кафе. Новая школа увидела меня другой: мелированные волосы, туфли на платформе, джинсовый жакет и значок «Не писай кипятком». Мальчики подсылали ко мне других мальчиков с признанием, что я им нравлюсь. Некому Чейзу Диксону, спецу по компьютерам и сыну двух лесбиянок, я сказала, что не готова к серьезным отношениям. Людям нравились мои стихи. Но прошло немного времени, блеск новизны померк, и я снова сделалась второпили даже третьеразрядным представителем экосистемы своего класса.

Во второй раз я выдержала марку при переходе в новый колледж. Старый, расположенный в десяти кварталах от дома, мне пришлось покинуть из-за крупных неприятностей, и я перебралась в другой, общеобразовательный, находившийся среди кукурузных полей Огайо. Я снова осветлила волосы, купила стильный жакет, на сей раз клевый японский бушлат в зеленую и белую полоску, и снова купалась в знаках внимания со стороны людей, которым вроде бы нравились мои стихи.

Вскоре я сделала первую попытку самоопределения – присоединилась к участникам издания «Грейп», которые безмерно гордились тем, что выпускают альтернативную газету в альтернативном колледже. Я писала рецензии на порнографию («„Анальная Энни и усердные супруги“ – забавное кино, где героиня шепелявит»), обрушивалась с критикой на культуру *Facebook* («Журнал вечеринок Стивена Марковица заставляет первокурсников чувствовать свое одиночество») и провела независимое расследование по делу о потопе, произошедшем в общежитии корпуса «Африканское наследие». Мой интерес сразу же привлек Майк, один из редакторов газеты, старшекурсник ростом под два метра. Он носил очки, как у Наполеона Динамита³⁶, но в нем было самодовольство старожилы и мрачноватое обаяние Райана Гослинга. Майк жил в Ренсон-коттедже – викторианском особняке, принадлежавшем кампусу и знаменитом тем, что в годы учебы там жила Лиз Фэр³⁷.

В начале моей карьеры в «Грейп» мы с Майком танцевали грязный танец на вечеринке, и в процессе он просунул колено мне между ног, о чем к следующему рабочему совещанию как будто бы совершенно забыл. Сотрудниками он правил железной рукой, сыпал ругательствами направо и налево, но я прошла испытание, и Майк часто приглашал меня посидеть в закускойной в компании с его подручным, маленьким евреем Гольдблаттом. На тарелках перед ними всегда высились горы ло-мейна, вегетарианские бургеры и несколько видов сухих-пресухих кексов. Мы с Майком все время вели словесные бои. Конечно, мы флиртовали, вовсю стараясь произвести впечатление, но еще больше – сохранять равнодушный вид.

– Я считаю, у моногамии нет будущего, – однажды сообщил мне Майк, когда мы сидели в закускойной и ели хашбрауны.

– Мне-то что. Я не твоя подруга.

– И слава богу, дорогая.

Я хихикнула. Ведь я была гораздо круче подруги. Репортер. Соблазнительная женщина. Второкурсница.

* * *

Той зимой я на месяц уехала домой лечиться от моноклеоза. Все это время Майк регулярно выходил на связь под тем предлогом, что он «сражается», ему не хватает команды «А»³⁸ в моем лице и наш соперник «Оберлин Ревью» готов стереть его в порошок. Я вернулась, все еще с воспаленными гландами, и в тот же вечер отправилась в компа-

³⁶ Герой одноименной американской комедии 2004 г., асоциальный подросток, предмет насмешек в школе.

³⁷ Лиз Фэр (род. 1967) – американская рок-певица.

³⁸ «Команда „А“» – телесериал 1980-х и фильм 2010 г. в жанре приключенческого боевика.

нии Майка и Гольдблатта в самый приятный ресторан городка, надев винтажное свадебное платье. Майк улыбался мне так, будто мы и вправду были парой (которая повсюду таскает с собой третьим маленького еврея).

Прошло несколько недель. Майк забрел ко мне, и мы стали смотреть «Соломенных псов». Я призналась, что меня взволновало изображение женской сексуальности в этом фильме, героиня которого и ненавидит тех, кто ее домогается, и желает, чтобы ею пользовались. Потом он лег на меня, и минут сорок мы целовались.

Итогом стала мучительная связь, к концу которой мы имели (в цифрах):

- 1,5 раунда секса;
- 1 совместный душ (для меня первый);
- около 7 душещипательных стихотворений с описанием «шлепков наших тел друг о друга в ту ночь»;
- 1 совершенно лишний тест на беременность.

А еще однажды я явилась к нему на вечеринку с красным текущим носом и остаточными признаками мононуклеоза, умоляла отойти со мной в уголок и поговорить, после чего упала в обморок. Кайл, сосед Майка по комнате, повез меня домой и убеждал, что я должна себя уважать.

* * *

Я выучила слово «изнасиловать», когда мне было семь лет, но не совсем верно его поняла, при этом использовала где ни попадя. Однажды я сидела на диване с книжкой, и ко мне затопала моя двухлетняя сестра. Штанишки ее пижамы, разрисованной воздушными шарами, отвисли под тяжестью подгузника. О, как несправедливо, что приходится жить в одном доме с *ребенком*! Грейс ужасно хотелось поиграть, и она обхватила руками мои ступни и лодыжки. Не дождавшись реакции, она принялась карабкаться на меня, как на горку, по-малышовому булькая от смеха.

– Мам! Пап! – закричала я. – Она меня насилует!

– Что она делает? – спросила мама, безуспешно пытаясь скрыть улыбку.

* * *

С Майком у меня был первый опыт орального секса. Это произошло после благотворительного вечера в поддержку Палестины, у меня в комнате, на полу. Ощущение было странное, словно меня жует чужой ребенок. Наш первый секс числился всего лишь вторым в моей жизни. Майк поставил африканскую музыку и стал целовать меня так, будто с неохотой выполнял приказ надзирателя. Я вцепилась в него, полагая, что он даст мне знать, если секс должен быть другим. Кончая, он испустил серию испуганных вскриков, как попавший под дождь котенок. Я двигалась, пока он не велел мне остановиться.

* * *

Мы с Нони стоим у газетного киоска напротив детского сада Грейс и ждем, когда за нами приедут на машине. Мне девять лет. Исполнилась моя мечта – в тот день меня освободили от школы, но провести его так, как хотелось, не вышло. Нони – моя няня из Ирландии. В шестнадцать лет она попала в тяжелую аварию, из-за которой у нее плохо открывается рот. Ее волосы хрустят от лака, и она носит короткие леггинсы, обнажая загорелые икры.

Мы листаем журналы и пьем холодный чай. Продавец останавливает на мне взгляд, и внезапно по моей спине бежит холодок. Я уже знаю, как произносится это слово.

– Нони, – шепчу я в панике, – Нони!

– Что такое?

– По-моему, он пытается меня изнасиловать.

* * *

Я помогала Майку и Гольдблатту покупать щеглов для художественной инсталляции. Из-за чьей-то неосторожности щеглы разлетелись по ванной Ренсон-коттеджа, и тут я вспомнила навыки, полученные во время волонтерства в Одюбоновском обществе: загнала птиц в темный угол и собрала по одной. Щегол трепыхался у меня в руках, а я думала, что чувствовать биение обнаженного сердца ближе может только хирург. Птица начала клеваться, но я не брезглива и просто сунула ее обратно в клетку. Много ли девушек могут вот так?

* * *

В мае Майк окончил колледж, а с ним и вся его шайка-лейка: Гольдблатт, Кайл (специалист по коста-риканской культуре) и Куинн, занимавшийся текстилем – его выпускной проект включал разработку моделей купальников с дырками в районе промежности. Остался только Барри. Теперь он считался старшим старшекурсником – избыточное определение для тех, кому предстояло отучиться еще один семестр.

Мы с Одри сошлись во мнении, что Барри – тип не из приятных. Его усы могли бы одинаково подойти нелепому моднику из Уильямсбурга³⁹ и охотнику на крупную дичь. Он носил белые кроссовки *Reebok*, модель из видеоролика детской гимнастики годов восьмидесятых. Подрабатывал в библиотеке, я часто видела его там: он крадучись ходил между стеллажами и наобум расставлял книги. В компании он привлекал внимание агрессивной маскулинностью и низким голосом, которому позавидовал бы Барри Уайт. Однажды на вечеринке он ударил девушку прямо в грудь. И еще он был республиканцем. Имелись все причины избегать его, и непонятно, почему его так привечали в гостиной Ренсон-коттеджа.

Начался второй «старший» семестр. Барри ходил как потерянный. Друзья уехали, и он стал мягче. Подолгу стоял перед дверью студенческого совета, курил сигарету и пинал камушки. Сидел на старом месте Майка в компьютерном классе, как собака, оставшаяся без хозяина.

Ну и кто теперь круче всех?

* * *

Вечеринка в помещении над видеوماгазином была как никогда шумная. Одри одолжила мне наряд – шикарное платье с запахом, мы с ней выпили по две бутылки пива, после чего удалились, чтобы поделить ксанакс, оставшийся у нее от перелета во Флориду в компании бабушки. Таблетка подействовала быстро и сильно, и когда мы вернулись к обществу, мною уже владел абсолютно чуждый мне тусовочный азарт. Одри, наоборот, почувствовала головокружение и после долгих колебаний отправилась домой, взяв с меня обещание осторожно обращаться с платьем. Мне ее остро не хватало, пока я не занюхала маленькую щепотку кокаина, насыпанного на ключ. После этого я целовалась с первокурсником, танце-

³⁹ Район Бруклина.

вала в очереди перед уборной и там же продемонстрировала народу, как легко распахивается платье Одри, попутно объяснив, какое «фуфло» отделение литературного творчества.

Все мои друзья разошлись. Я искала Одри, хотя она предупредила меня, что уходит, и я это наблюдала. И тут я увидела издали своего приятеля Джои. Милый, неуклюжий Джои, диджей и лапочка, исполненный мичиганской гордости. Да, это его куртка фирмы *Members Only*. Высокий, теплый и точно меня спасет. Я подобралась сзади и прыгнула ему на спину. Он обернулся. Это был не Джои. Это был Барри. О боже. В голове пронеслось что-то похожее на звук, которым сопровождается неверный ответ в японских ток-шоу. Ау-оу.

– Давно тебя не видел, – сказал Барри.

– А мы и не знакомы, – сообщила я. – Мне надо пописать.

* * *

Барри ведет меня на парковку, и я прошу его отвернуться. Когда я спускаю колготки, чтобы пописать, он засовывает в меня пальцы, как будто решил закупорить отверстие. Не могу сказать, почему не останавливаю его: не могу или не хочу.

На обратном пути я вижу своего приятеля Фреда. Он следит за тем, как Барри ведет меня домой, держа за предплечье (видимо, я сказала ему, где живу), и выкрикивает мое имя. Я не обращаю внимания. Тогда он подходит и хватает меня. Здесь Барри на минуту пропадает из поля зрения, остаемся только мы с Фредом.

– Не делай этого, – говорит он.

– Не хочешь проводить меня – оставь в покое, – невнятно произношу я с выражением глубокой боли, которую раньше у себя и не подозревала. – Просто оставь меня в покое.

Фред качает головой. Что тут поделаешь?

* * *

Барри у меня дома.

Теперь мы лежим на ковре и занимаемся всем тем, чем занимаются взрослые. Не помню, как мы оказались на полу, но явно не по случайности.

Вот он вошел в меня, но еще не до конца возбудился. Я бросаю взгляд вниз, и рядом с бледным коленом Барри вижу брошенный презерватив. Я попросила надеть презерватив? Он был в моей аптечке. Я об этом знала, а Барри нет, значит, я до нее как-то доползла. Мое право. Почему он решил, что это нормально – взять и снять презерватив?

Я уже немного очухалась. Удостоверившись, что все это не сон, я прошу Барри снова надеть презерватив. Его член еще не достаточно напрягся, Барри придвигается и пихает его мне в лицо. Похоже на палец без костей.

Я издаю стон, как бы подтверждая, что мне очень нравится. Барри называет меня «детка». Или говорит «о, детка», что не одно и то же.

– Ты хочешь довести меня? – спрашиваю я.

– Ахм? – спрашивает он.

– Хочешь меня довести? – повторяю я.

Я знаю, что и вопросы, и сами издаваемые мною звуки – опять же мое право и мой выбор.

Теперь мы лежим поперек комнаты, уже в другой позе. Я откидываю голову назад, как могу далеко, и внезапно вижу еще один презерватив. Или тот же самый. На пальме, принадлежащей соседке. Презерватив, который опять не надет, а возможно, и не был надет.

Тут уж я поднимаюсь на ноги, шатаюсь, как новорожденный жеребенок, и вышвыриваю Барри и всю его одежду за дверь, которая ведет на парковку. Он застегивает рубашку,

сражается с ботинком. Кажется, зимний воздух отрезвил его. Я захлопываю дверь и смотрю через стекло, как он гадает, в какой стороне его дом. Не хочу видеть его сейчас. Я прячусь в нашей маленькой кухне и жду, когда он уйдет.

Наконец-то я полностью проснулась. Моей соседки нет дома. Как я узнала позже, заслышав шум за дверью, она поднялась наверх и легла спать у подруги, чтобы не мешать мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.